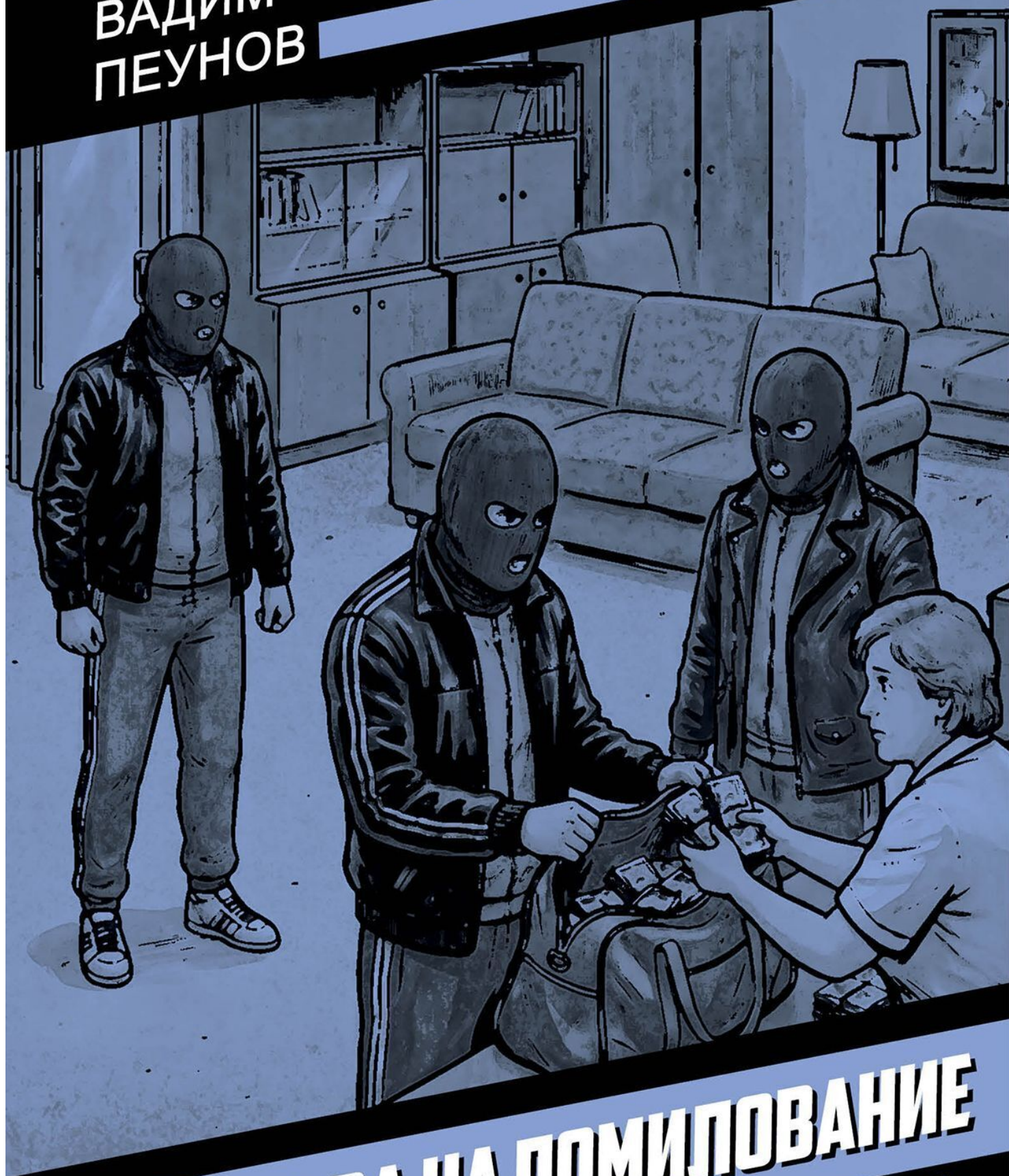

**ВАДИМ
ПЕУНОВ**

БЕЗ ПРАВА НА ПОМИЛОВАНИЕ
**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

Тайный фронт

Вадим Пеунов

Без права на помилование

«Алисторус»

1985

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Пеунов В. К.

Без права на помилование / В. К. Пеунов — «Алисторус»,
1985 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-556-0

Вадим Константинович Пеунов (1923–2020) – писатель-фронтовик, почетный гражданин Донецка, непревзойденный мастер детективного жанра. В 1955 году вышел его первый «суперхит» – «Последнее дело Коршуна». А потом – целая череда шпионских романов, в которых колорит родного Донбасса переплетается с реалиями Холодной войны. Ведь шпионы никогда не дремлют! ...Украинская ССР, крупный промышленный город с ворохом проблем. Расследуя дело об ограблении магазина, майор Орач нападает на след изменника Родины, виновного в гибели мирных людей в годы гитлеровской оккупации... Перед нами открывается картина напряженного расследования. Чем оно закончится? Читайте классику советского детектива, которая окунает нас в атмосферу ретро.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-556-0

© Пеунов В. К., 1985
© Алисторус, 1985

Содержание

Оглянись на каждый прожитый тобою день	6
Скупы на ласку сыновья	6
Он сеял горе	17
Глаза у страха велики	23
«Мне нужна твоя вера, тебе – вещественные доказательства!»	26
И все-таки: где тут собака зарыта?	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вадим Константинович Пеунов

Без права на помилование

© Пеунов В.К., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Вадим Пеунов

Оглянись на каждый прожитый тобой день

Скупы на ласку сыновья

Иван Иванович переступил порог кабинета заместителя Начальника УВД области Строкуна, своего давнего друга, с тяжелым чувством неоправданного доверия.

Около трех месяцев тому назад, 29 апреля, был лихо ограблен мебельный магазин «Все для новоселов». Четверо бандитов управились за считанные секунды: они заставили кассира опустить в подставленную спортивную сумку выручку, приготовленную для инкассации.

Никого из этой банды, кроме водителя, пока взять не удалось, хотя двое из них – Дорошенко, по кличке «Жора-Артист», и Кузьмаков, по кличке «Суслик», – были хорошо известны милиции. В старом деле имелись отпечатки их пальцев, нашлись и фотокарточки, правда, восемнадцатилетней давности. По описаниям очевидцев художник набросал эскизы портретов тех, кто принимал участие в ограблении мебельного магазина, так что теперешний облик двух матерых рецидивистов тоже был известен.

В результате поиска удалось выявить и арестовать нескольких прямых и косвенных участников преступления: Ярослав Гриб – проходчик шахты Ново-Городская, ранее судимый за участие в воровстве, находился за рулем машины, которая увезла грабителей; Всеволод Пряников, ранее судимый за несоблюдение техники безопасности, что привело к гибели человека, начальник участка, у которого под вымышленными фамилиями Юлиана Ивановича Семенова, Георгия Ивановича Победоносца и Козьмы Ивановича Пруткова работала эта троица, вернее, числилась, хотя никто из них ни разу даже не надевал шахтерскую робу, а зарплату получали наравне с лучшими проходчиками. Сначала удалось выйти на Алевтину Тюльпанову, массажистку из косметического салона, которая оказалась наводчицей. Через свою клиентку – директора мебельного магазина – она узнала все необходимое: сумму дневной выручки, время приезда инкассаторов и характеры работников магазина. Она же, Алевтина Тюльпанова, предоставила в распоряжение грабителей машину своего мужа. Нетрудно было обнаружить и Марию Круглову (уборщица шахты Ново-Городская, ранее не судимая), у которой накануне грабежа проживал главарь банды по кличке «Папа Юля».

Но все четверо арестованных, по существу, были мелкой сошкой, главные виновники пока оставались на свободе. А о Папе Юле почти ничего не удалось узнать, кроме клички, да еще Мария Круглова обмолвилась про бороду: «Будто бы рыженькая...»

Папа Юля предпочитал никаких следов не оставлять. С начальником участка Пряниковым он общался через Ярослава Гриба и Алевтину Тюльпанову. Пряников утверждал: «Я его видел только однажды, и то мельком, встречу – не узнаю». Алевтина Тюльпанова, которая была знакома с Папой Юлей лет двенадцать, заверяла, что все распоряжение от него получала по телефону, и не помнит примет этого человека. Ярослав Гриб тоже валял дурачка: мол, был с нами в магазине один, но я его плохо помню. Борода? Так она у него не настоящая. Разную ахинею на этот счет несла и Мария Круглова – хозяйка квартиры-притона; дескать, помню, что бородатенький, солидный из себя... И все.

Иван Иванович был убежден, что всех четверых заставляет молчать страх, который они испытывали перед Папой Юлей.

Папа Юля... Кто он? Где его искать? Кто укажет тропу к его логову?

На Дорошенко (Жору-Артиста) и Кузьмакова (Суслика) был объявлен всесоюзный розыск. А Папа Юля, увы, пока оставался вне досягаемости... Мистер Икс!

Иван Иванович вернулся из Краснодара, куда ездил проверять давние связи Тюльпановой. Командировка оказалась неудачной.

– Разрешите доложить, товарищ полковник! – устало отрапортовал он, переступив порог кабинета.

Строкун вышел из-за стола, прихватив пачку сигарет, лежавших на краешке, кивнул на стул:

– Присядь-ка. В ногах правды нет. – Взял припасенную заранее осьмушечку листа и начал крутить из нее тюричек – этакую вороночку, куда стряхивать пепел.

Иван Иванович понял, что разговор предстоит долгий и не из легких.

– На небесах правды и того меньше, – ответил он, опускаясь на стул. – Иначе хотя бы один из троих где-то вынырнул.

– Эта публика на выдумку хитра. К примеру, колония – удобное и безопасное место. За несущественное, – пояснил свою мысль Строкун.

– Или «дурдом», – согласился с ним удрученный Иван Иванович. – Помнишь, лет восемь тому?.. Один такой в Горловке «боднул» трамвай, ухотивший с остановки. Ахи-охи – голова в крови, изо рта – желтая пена. А он – мыло разжевал. Я о таком обороте дела уже думал: интересовался в своих больницах, не поступил ли к ним за последнее время «потерявший память». Соседей запросил: ростовчан, днепропетровцев, запорожцев. В Краснодаре наводил справки. Ничегошеньки.

– Печально, но факт: Папа Юля со своими поделниками – не лыком шиты. – Строкун всласть затянулся. Напустил дыму полон кабинет. Подошел к окну, распахнул его пошире. – Нет сведений – это тоже информация, хотя и неутешительная.

Строкун мог бы, вернее, должен был сказать заместителю начальника уголовного розыска майору Орачу, что генерал (который раз!) вновь интересовался, когда же, наконец, сдвинется с точки замерзания это дело с ограблением мебельного. Но, видя, как устал Иван Иванович, и, понимая, что очередная проработка не ускорит расследования, решил дать другу время.

– Санька вторые сутки тебя ищет.

Иван Иванович удивился: сын никогда не звонил ему на работу и уж, конечно, не стал бы разыскивать его через «дядю Женю», то есть полковника Строкуну.

Иван Иванович поинтересовался:

– Что он хотел?

Строкун пожал плечами.

– Говорит, что ты ему нужен по личному делу. Спрашиваю: «Не жениться ли надумал?» Отвечает: «Министр Военно-Морского Флота Кузнецов считал, что офицер, который женится до сорока лет, теряет перспективу по службе. Я его последователь. Но что такое примус хотел бы знать». Вот они, нынешние... Что такое синхрофазотрон знает ученик пятого класса, а что такое примус, спрашивает без пяти минут кандидат геологических наук. Он его ни разу в жизни не видел. Поясняю: «Примус – незаменимый агрегат для подогрева чая и варки обедов в тесных коммунальных квартирах, где «кухней» служили шикарные коридоры. В Донецке, мол, примус не привился сызначала, так как здесь господствовал уголь, а теперь – газовая плита». Он сказал: «Спасибо за исчерпывающую информацию» – и повесил трубку.

Иван Иванович глянул на телефонный коммутатор, украшавший угол кабинета по ту сторону массивного стола, и поймал себя на мысли, что ему хочется позвонить домой. Саньки, конечно, еще нет, в институте или в библиотеке – парень закончил первый вариант диссертации. Грозный академик Генералов сказал: «На докторскую годится, а для кандидатской – еще сыровато: слишком много своих мыслей и маловато чужих, которые демонстрировали бы кругозор диссертанта». И вот Саня пропадает в библиотеке, подбирает литературу, штудирует английские и немецкие журналы по геологии. Словом, дома его нет. Но Марина – Санькина тетка, выпестовавшая его, могла бы отозваться...

Иван Иванович подавил в себе неоправданное беспокойство и сказал Строкуну:

– Летел и думал: если эти литературно-библейские герои – «Козьма Прутков», «Юлиан Семенов» и «Георгий Победоносец» уволились, готовясь к грабежу, то не применили ли они схожий прием и раньше? Посмотреть, какие у нас есть нераскрытые дела за последние год-два, проверить: не совпадают ли они по срокам с очередным увольнением троицы или кого-либо из них с участка Пряникова...

– Посмотреть можно и нужно, – согласился Строкун, попыхивая сигаретой. – Новые факты, новые свидетели... Но, понимаешь, майор Орач, в чем наша с тобой ошибка: мы идем по следам, а они их ловко путают и уничтожают. Уволились с шахты – в отделе кадров даже обычных учетных карточек не осталось. Запропалились, а скорее того их изъяли. Шахта перечисляет деньги своим рабочим на сберкнижку, казалось бы, есть свидетели – работники сберкассы. Но в сберкассе счет на имя Юлиана Ивановича Семенова открывал Ярослав Гриб. Он и деньги получал по доверенности. Нам надо работать на опережение. Давай-ка проанализируем все специфические приемы, которые применяет группа Папы Юли, и попробуем предусмотреть, где он со своими субчиками может вынырнуть. Поворошим нераскрытые дела, сопоставим.

– Все с самого начала... – помрачнел еще больше Иван Иванович.

– Ваня, майор Орач, – посочувствовал ему Строкун. – В нашей службе главное – результат. А сколько ты мучился, идя к нему, это, как говорят в Донбассе, – дело третье...

Иван Иванович в тот день вернулся домой раньше обычного и половине девятого. Он любил это предвечернее время, когда солнце опускается к небосклону. До захода еще минут сорок пять – пятьдесят, можно с высоты девятого этажа полюбоваться закатом (лоджия выходит на запад). Конечно, это не степные дали Карпова Хутора и не морская бесконечность Азовского моря, которые милы и близки сердцу Ивана Ивановича. Но панорама города тоже по-своему красива. В иное время вместе с ним полюбовалась бы закатом Иришка – дочь-пятиклассница. Но сейчас она в пионерлагере, в Велико-Анадольском лесу. Это всего в нескольких километрах от родного Карпова Хутора, которого теперь уже нет: снесли за ненадобностью. Молодежь перебралась в Благодатное – главную усадьбу колхоза, в Волновую – районный центр и крупнейший железнодорожный узел, в Донецк... Старики вымерли. Какое-то время в пустующих хатенках колхоз держал цыплят. Но потом построили современную птицеферму, назвали ее колхозной птицефабрикой, а старые лачуги снесли, мелкие, тоже устаревшие, сачочки выкорчевали, пустошь перепахали.

Все правильно, и вместе с тем – грустно...

Возвращается человек в свое прошлое всегда с невольной грустью.

Иван Иванович открыл дверь и... приятно удивился: на пороге кухни стоял, ожидая его, Саня.

Марина, свояченица Ивана Ивановича, старшая сестра Аннушки, вскормившая и воспитавшая Саню, называла его девичьей погибелю. Он был весь в покойную мать – хрупкую красавицу, которую в Карповом Хуторе звали за глаза «шамаханской царицей». Только в девичью хрупкость вплелась мужская удалая сила – это уже от Григория Ходана, родного отца Сани. С лица он бел и красен. Брови густые, широченные, подчеркивают крутой бугристый лоб. Глаза – смелые, большие, сочные. Волосы со стальным отливом, этакой львиной гривой почти до плеч. Иван Иванович когда-то ворчал за «хипповскую» прическу сына, но Марина, защищая своего любимца, говорила:

«Иван, ты же по натуре – старик. Ты совсем не понимаешь современную молодежь: иные времена, стало быть, иные песни и моды».

По части моды Марина специалист: она модельер по конструированию женского и мужского платья.

Саня стоял и хмурился, ожидая, когда отец снимет туфли и наденет шлепанцы. Иван Иванович уловил в его тяжеловатом «ходановском» взгляде притаенную тревогу или скры-

тую надежду и понял, что Саня хочет что-то сказать. (Наверно, то, ради чего искал отца, звонил полковнику Строкуну). Марина, которой хмурившийся Саня напоминал Гришку Ходана – человека ненавистного, обычно говаривала: «Улыбнись!» И он – улыбался, становясь застенчивым, добрым.

– Что-то в институте? – спросил Иван Иванович, вновь вспоминая академика Генералова и трагедию его жены.

Саня замотал головой: «Нет».

– Тебя давно не видел.

Слова приятные. Их говорил отцу двадцатисемилетний сын. В этом возрасте наши сыновья скупы на ласку и приветливость. А Саня по натуре вообще сдержан.

– Аннушка дома?

– Поехала с оказией провести Иришку, ей какой-то сон приснился. Еще вчера.

В словах Сани по отношению к приемной матери звучала легкая ирония: «Эти женские слабости».

Иван Иванович умылся, надел пижаму и наконец почувствовал себя дома.

– Поглазеем на закат? – предложил он.

Саня, молча, последовал за отцом.

Между Иваном Ивановичем и взрослым сыном установились отношения своеобразной мужской дружбы. Посторонний, пожалуй, сказал бы, что они оба – суховаты.

И вообще им не хватает теплоты. Уезжая в очередную командировку с геологической партией, Саня ни одной строчки не напишет отцу. Все свои короткие и редкие, как снег в Сахаре летом, открыточки, он адресовал Марине. В них жила неизменная фраза: «Привет нашим. Как Иришка?» А при встрече после долгой разлуки они хлопали этак вскользь друг друга по ладошке и обменивались парой колких фраз:

«Ну как, нашлась замена старику Донбассу?»

«Чулыманское месторождение: пласт – восемьдесят метров, скосил траву – и бери экскаватором. Нерюнгринское... Уникальная близость промышленных запасов коксующихся углей и богатых железных руд. А вокруг – вся таблица Менделеева: от металлов до кристаллов».

«За морем телушка – полушка, да рубль перевоз, – возразит Иван Иванович. – Накормить Донбасс привозными углями... Идея не менее смелая, чем перекрыть плотиной Беренгов пролив, чтобы отделить Тихий океан от Ледовитого».

«Из вчерашнего абсурда уровень человеческих знаний и технических возможностей сегодня делает открытие века».

Не признавать «чужих богов», брать все на проверку, сомневаться, постоянно иронизировать... Впрочем, это была всего лишь форма общения двух мужчин, которые любили друг друга и чуточку стеснялись необычной взаимной привязанности.

Словом, если бы на приглашение отца «поглазеть на закат» Саня пробурчал, дескать, можно и поглазеть, то все было бы в пределах нормы. Но сын молчал.

«В чем дело?»

Нас обычно поражает не само явление, а его неожиданность и необычность, своеобразная исключительность, которые делают происходящее загадочным, непонятым. А все непонятое –стораживает, заставляет искать отгадку.

Иван Иванович заглянул в кухню, поздоровался с Мариной и направился в лоджию.

Солнце уже перестало греть. Его раскаленный до багрянца (цвета остывающего бутылочного стекла) диск коснулся далеких, тающих в сизой предвечерней дымке терриконов. С высоты девятого этажа пятиэтажные дома, уходившие по улице к концу квартала, за которым начинались одноэтажные домишки частного сектора, выглядели плоскими, приземленными. От перегревшихся за день крыш струилось марево.

– Дядя Женя говорил, что ты искал меня... – начал разговор Иван Иванович.

– Посоветоваться хотел, но отпала необходимость.

«Ну что ж, если отпала...»

Через несколько минут Марина кликнула их на ужин:

– Мужики, отошлите. К столу!

Ели. Мужчины, занятые делом, помалкивали, а Марина, истосковавшаяся по собеседникам, тараторила о чем-то своем – о зимних модах, о том, что в наличии нет материалов, которые числятся в каталоге ярмарок... «А серятина ныне не в моде. Подавай пестрое, нарядное».

Пужинали. Иван Иванович предложил сыну:

– Подышим лечебным воздухом.

Они прошли в лоджию. Иван Иванович облокотился на перила.

Жара, мучившая город весь день, начала спадать. С далеких полей, с огромного, скрывавшегося за полями водохранилища, нареченного Донецким морем, потянуло легкой прохладой. Она еще не давала отдохновения, но вселяла надежду, что вот-вот можно будет надышаться вволю.

Саня сел в кресло-качалку – любимое место Иришки. Покачался – погойдался. Иван Иванович понял, что Саня собирается с мыслями, и не ошибся.

– Папка... – начал Саня. – Чутьочку твоей милицейской фантазии... Чистая нелепица: предположим, я хочу купить автомат. Современный. Конечно, с патронами, два-три диска. Только ты не удивляйся вопросу, – еще раз напомнил он. – Сколько бы с меня содрал его владелец?

Иван Иванович немного растерялся:

– Но мы – не Америка! И у нас оружие...

– Я же тебя предупреждал: чистая нелепица, бред сумасшедшего, фантасмагория... Ну, словом, голая теория... В своей работе ты сталкивался с таким случаем, чтобы кто-то продавал автомат?

– Кому?

– Да неважно кому. Продал! Неважно, где его взял. Нашел, украл, изготовил своими руками... Есть заинтересованный покупатель. Сколько с такого можно слупить? К примеру, за автомат Калашникова. Тысячи три... дадут?

Иван Иванович насторожился. Что-то с Саней происходило. Уж какой-то он взвинченный, наэлектризованный. «Эти несуразнейшие вопросы...»

– Почему только три?... – как можно спокойнее ответил Иван Иванович. – Дадут и больше. За утерю личного оружия – пять лет. А за продажу... Да еще современного автомата, который находится на вооружении армии... Тут «десятку» могут не пожалеть, особенно если выяснится, что из него убили человека и ограбили при этом сберкасса или магазин...

Санины брови схлестнулись на переносице, но тут же хмуринки исчезли.

– Папка, – бодрячком сказал сын, – ты – юморист, но на свой, милицкий, манер. Представь себе: одна симпатяшечка... общественный корреспондент из многотиражки, привязалась: «Академик рекомендовал вас... Что-нибудь интересное для газеты: на первый номер учебного года». Ну, я, желая подразнить ее, и ляпнул: «Детектив хотите?» Она согласилась: «Только увяжите это с вашей последней поездкой в регион Байкала. Академик сказал, что вы там открыли целую страну полезных ископаемых». Втолковывал, объяснял, что геология – наука коллективная, что такие открытия, как Нерюнгри, делают не личности, а коллективы: одни выдвигают теории, другие их разрабатывают, третьи ищут подтверждения, четвертые, можно сказать, работающие по готовым адресам, находят искомое. Но это премилое создание из газеты в геологии – ни бе, ни ме, ни кукареку, она будущий биолог, но хочет стать журналисткой... Словом, уперлась в свое: «Академик говорил...» А что, спрашиваю, академики не ошибаются? Еще и как! Так вот, мой биологический журналист обиделась: «Вы надо мною издеваетесь. Академик Генералов так много хорошего говорил о вас...»

Симпатяшка-биолог, увлекающаяся журналистикой...

У Сани довольно несовременный взгляд на женский вопрос. Марина, обеспокоенная этим (ну как же так: парню минает двадцать седьмой год, а зазнобу не завел. Да что он, не живой!), говорила не раз: «Неужели ни одна не коснулась твоего сердца?»

– «Коснулась!» – отвечал он и вел к рабочему столу, где у него лежала рукопись диссертации. «Настоящей науке нужны одержимые, – пояснял он. – Не кандидаты, не доктора и даже не академики, а одержимые, свихнувшиеся на какой-то идее, например, на том, что Байкал в будущем – новый океан, а пока уникальная кладовая пресных вод».

«Симпатяшка из газеты... Детектив на тему: «Освоение богатств Сибири и ликвидация (во имя гуманизма) глубоких шахт старичка Донбасса, разрабатывающих маломощные пласты...»

За всем этим что-то стояло, что-то беспокоило Саню. И это «нечто» он, вопреки обыкновению, сейчас пытался скрыть от отца. До сих пор у них не было каких-либо тайн друг от друга. Даже служебных, хотя на «специальные» темы они и не распространялись. Уже по иной причине: Иван Иванович был далек от проблем современной геологии, а Саня не увлекался «детективом», написанным жизнью. «Иное дело – Агата Кристи! Читаешь и решаешь ребусы. Словом – положительный стресс, столь нужный затурканному научно-технической революцией и космическими скоростями человеку».

– Ну, если тебе надо знать цены на современные автоматы только как деталь для шуточного детективного рассказа, напиши: сто тысяч, – посоветовал Иван Иванович, убежденный, что Саню такой ответ не устроит, он задаст еще какие-то «наводящие» вопросы и, возможно, назовет истинную причину своей взволнованности.

– Но даже пародия на детектив должна исходить из какой-то реальности! – возразил запальчиво Саня. – Вот у Чехова «Шведская спичка». Там все герои – живые люди с индивидуальными характерами, реальные события. Ловкая бабешка упрята от глаз людских своего любовника, а желающий выслужиться чиновник решил, что тут имеет место криминальная история: как же, человек пропал! Чиновник из дотошных и строит свою ложную версию, основываясь на реальных «вещдоках». Он идет по верному пути и таки находит и «труп», и «убийцу»... В дураках же остался лишь потому, что не учел характера среды... Словом... подбросил бы, майор милиции, какой-нибудь сюжетец начинающему литератору... Похлеще.

У Ивана Ивановича чуть было не слетело с губ: «Трагедия семьи Генераловых – куда уж хлеще...» Но вовремя сдержался.

– Чужая трагедия – не предмет для насмешек или вышучивания, – ответил он.

– Черт с ней, с этой многотиражкой, – вдруг решил Саня. – Обойдутся без моего детектива.

Он качнулся на кресле-качалке так, что кресло его «катапультировало». Подошел к Ивану Ивановичу, стал рядом.

Город расцвел огнями. Лежащие внизу улицы потеряли привычные очертания, стали сказочными. Казалось, их построили ловкие умельцы из киностудии, чтобы снять сцену о Гулливере... Вот протопает сейчас человек-гора по этим бутафорским улочкам, выбирая место, куда поставить ногу, ногу, обутую в огромный ботинок.

– Порою в голову лезут такие ералашные мысли! – заговорил тихо Саня. – Я мог бы и не родиться. Доля вероятности, что родится именно такой-то человек в определенную геологическую эпоху, в этом городе и у этих родителей, – астрономически мала... А мы все-таки рождаемся... И умираем. А возможность человека умереть – диаметрально противоположна возможности родиться. Смерть индивидуума – это неизбежность... А как же расставаться вот с этим?! – Саня обвел рукой вокруг себя.

В твои-то годы – о смерти, Саня! – воскликнул Иван Иванович, который уже места себе не находил, ему передалась внутренняя тревога сына.

– Да я не о костлявой... Я о другом: вот если бы не родился, то у меня не было бы... тебя, Иришки, Марины, чудака академика, этого вечернего города, не было бы даже этой нашей дурацкой беседы о сюжете для детективного рассказа... Ничего... А как это ни-че-го? Как? Не понимаю. Нейтрино, пронизывающее Землю, как иголка мешковину, – нечто! Умер человек – о нем остается память. Стерлась память – остаются кости. И через два миллиона лет Некто найдет случайно мою челюсть и будет воссоздавать по ней мой облик: попытается угадать, на каком этаже я жил, был дом с лоджиями или с балконами. Пусть все пойдет в тартарары, Землю поглотит «черная дыра», пожирающая материю. Но и тогда произойдет всего лишь очередная трансформация космоса... А вот если человек не родился... Как же так: человек – и вдруг не родился?! Может, это и есть абсолютный нуль? Мне думается, лучше умереть в самых жестоких муках, чем... не родиться. Не могу налюбоваться жизнью. Но какая она короткая у человека! Ну, пусть, в среднем, семьдесят лет. Из них двадцать пять поднимаешься на ноги, десять – толкуешь на бульваре, сидя на лавочке с пенсионерами, о том, почему «Шахтер» прогнул в Киеве динамовцам. А что остается для творчества, для любви, для настоящей жизни? Вот и приходится выбирать между тем или другим, иначе ничего не сделаешь путного, всюду опоздаешь...

Таким грустным философом Иван Иванович, пожалуй, сына еще не знал. Дети, дети... Как заблуждаются родители, думающие, что они вас знают и понимают!

– Пойду, кислородом подышу, – решил Саня.

– Надолго?

– До утра... Марина пилит: «Другие женихаются, а ты как не от мира сего...» Словом, решил загулять.

И только сейчас Иван Иванович уловил легкий запах спиртного. «Санька – выпил!» Впрочем, парню – двадцать семь, в октябре защищает кандидатскую. Исколесил всю Сибирь. Почему бы ему, можно сказать, бывалому геологу, не выпить в такую жару кружку пива или бутылочку шампанского с друзьями... Если бы только не этот разговор – почему на базаре автомат Калашникова, и не «космическая» тоска по неродившемуся человеку... Чем навеяны эти вопросы, эти мысли? Что-то же их породило? Сегодня! Ни вчера... Ни позавчера... Ни завтра! А именно – сегодня!..

Впрочем, тут он не прав. Саня звонил ему на работу, искал еще позавчера.

Хлопнула дверь. Прошла минута. Иван Иванович уже поглядывал вниз, на подъезд, где в освещенном круге должна была мелькнуть ловкая фигура Сани. Но того все не было. И вот – звонок в дверь. «Вернулся. Что-то забыл? Или передумал».

Иван Иванович собрался было выйти в коридор, поинтересоваться, но Саня уже переступил порог лоджии. Возбужденный, черные глаза полыхают черным огнем.

– Пап! Мне нужно с тобой поговорить. Мужское дело. – И огорошил: – Григорий Ходан жив. Я его видел.

Орачи с Ходанами были соседями, Иван с Гришкой, как говорят на Украине, – товарищували: за десять километров ходили в школу из Карпова Хутора в Благодатное. Гришка был мозговитый парень, в отца – известного на всю округу умельца Филиппа Авдеевича. Руки золотые. В шестом классе за эти руки Гришку премировали путевкой в Артек: Матрена Игнатьевна, завуч школы, расстаралась для любимого ученика.

Накануне войны Гришку Ходана призвали в армию. А через год, в декабре, он уже появился в Карповом Хуторе и темно-синей форме полица.

– Конец Советской власти! – говорил Гришка.

Если человек сволочной по натуре, то рано или поздно это все равно выплывет, как мазут из-под снега. Так и с Гришкой...

Где-то через год он привел к отцу в дом свою жену Феню. Иван увидел ее дня через два после приезда. Она сидела на крыльце и чистила картошку. Шестнадцатилетний парнишка так

и прилип к забору: таких красивых он только на картинках видел. Носик тонкий, остренький, глазищи черные-черные. Брови крутые – ласточкиным крылом. Гречанка – не гречанка... Уж очень белолицая. Волосы густые, каштановые, в крупных локонах.

Так пришла к хуторскому парнишке, истосковавшемуся за годы черной оккупации по светлomu, честному, доброму, первая любовь.

Феня ждала ребенка, а Гришка постоянно допекал ее злыми выдумками. Иван не раз видел: схватит тоненькую, маленькую ручонку Фени и давай сжимать в своих тисках, выкручивать – ждет, когда в уголках карих глаз созреет слеза. А увидит, что Феня вот-вот заплачет, с горечью скажет:

– Идиот! На цыганский манок купился: надутую пьяную кобылу за резвого скакуна принял. В кого поверил! В Гитлера, в этот собачий потрох! Ему башку открутят – это теперь и слепой видит. А заодно и таким, как я! И поделом! Но как подумаю, что после моей смерти кто-то другой целует-голубит мою Фенюшку... Удушю-ка лучше я тебя! Да и повешусь после этого... Без тебя мне жизнь не в жизнь!

Не удушил и не повесился. Как змея, которая жрет свой вылупок, своих детенышей, – отлучил от матери трехмесячного сына. И если бы не дед Филипп Авдеевич, что было бы с Санькой? Матрену Игнатьевну, которая жила в его доме на правах матери (старая коммунистка от фашистов укрывалась), собственноручно расстрелял возле школы. Ее и еще двадцать семь человек. А потом хотел и соседей: Ивана с его младшим братом Лехой... Из пулемета. Леха убежать не смог. Ивана спасла случайность: Феня, которая была на подводе, настегала лошадей, те помчались вскачь и... пулеметчик не сумел прицелиться.

Позже, когда Иван был уже на фронте, мать ему писала, что тачанку с полицейскими, а значит, и с Гришкой Ходаном, «растрошил» советский танк.

Феня нашла месяц через три после освобождения Карпова Хутора. Люди привели. Дело уже шло к зиме, а она была все в том же жакете, в котором Гришка увез ее из дому шестого сентября. Несчастная мать бродила по полям и посадкам, искала исчезнувшего сына, звала его: «Адольфик, мальчик мой, иди, иди ко мне, твоей маме...»

Дело в том, что Ходан нарек своего сына, родившегося накануне освобождения Карпова Хутора от оккупации, Адольфом, мол, вырастет, люди возненавидят в нем прошлую войну (по ассоциации с именем Адольфа Гитлера), и обозлится мальчишка, и возьмется за нож или пистолет, горя жадной мщения. (Так оно вначале все и шло... Но отогрели чуткое, начиненное незаслуженной обидой сердце мальчонки добрые люди).

Феня, у которой отобрали сына-первенца, от великой боли лишилась рассудка да так и умерла блаженной, промучившись семь лет.

Иван был убежден, что его обидчик Гришка Ходан погиб. Но судьба, видимо, распорядилась иначе. Видел Гришку Ходана один человек в пересыльной тюрьме. Глаза в глаза... И все-таки не верилось.

Но как мог Саня опознать Григория Ходана? Он же его ни разу в жизни, можно сказать, не видел. Фотографии тоже не сохранилось.

Тревога, зернышком упавшая в душу, вдруг созрела и ну ломать Ивана Ивановича. Саня был рядом, в лоджии на девятом этаже, а Ивана Ивановича охватило желание защитить его, прижать к груди, как тогда... Вбежал он в опустевшую хату Ходанов, в потемках стукнулся о кровать, на которой сипло попискивал мальчонок. Взял его на руки, прижал к груди, и такая жалость полоснула по сердцу шестнадцатилетнего паренька, что он заплакал... «Дитенка, кроvinочку родную, – и то не пожалел!»

Саня плюхнулся в качалку; она жалобно заскрипела, словно обиделась на грубое обращение. Вцепившись в подлокотники, оплетенные лозой, Саня сжал тонкие нервные губы. Глаза его стали большими, будто остекленели: не моргнут, не мигнут...

– А я... в него не верил, – заговорил Саня, после долгой, тяжелой паузы. – Матвеевна меня постоянно пугала домовым... Я все допытывался, где он живет. Она сказала: «Под печкой». Как-то поздним вечером ее вызвали к соседке, у которой начались роды, я и полез под печку. От страха чуть не умер, а все-таки выгреб всякую рухлядь. Домового на месте не оказалось, и когда Матвеевна вернулась, я говорю ей: «Врешь ты мне про домового... Нету такого». Но отрицать начисто существование страшилища я тогда еще не смел и добавил: «В твоей хате». «Домовым под печкой» всю жизнь был для меня Григорий Ходан. Ни ты, ни Марина, ни мама Аннушка никогда о нем при мне не вспоминали. Но где-то он в моей жизни был. И вот – встретились.

– А ты... не фантазируешь? – осторожно поинтересовался Иван Иванович.

– Есть свидетель. – Саня коснулся левой части груди.

Иван Иванович в тот миг, казалось, почувствовал, как под ладонью сына бьется сердце, словно бы это его рука прикрывала Санину грудь.

Дичайший случай, которому даже по теории вероятности не должно бы быть места в жизни, свел Саню и Григория Ходана, отца и сына... убийцу и его жертву... Как это могло произойти?

Гришка Ходан никогда не был дураком... Понял, в свое время, что напрасно связал судьбу с теми, кто топтал Родину, надругался над близкими... Может быть, он сожалел о том, что отрекся от сына?..

Коротка жизнь человеческая, ох, до чего коротка! Может, тем она и мила? Явился ты на этот свет, мотыльком мелькнул – и нет тебя. Но мотылек не осознает своих связей с прошлым и будущим; произвел себе подобных и уступил им место, не познав при этом ни радости, ни горечи, не изведав чувства любви и страха. А человек – существо общественное, – природа научила его думать, и страдать.

Может быть, страдал и Гришка Ходан, ощущая свое вселенское одиночество. Мы уходим в мир иной, откуда никто не возвращается. Нет, мы не исчезаем бесследно, наша плоть, наши думы и деяния, даже боли и страдания остаются в наших детях.

А если ты отрекся от своих детей, от своего будущего, кто даст тебе утешение в старости? Кто проводит тебя в последний путь? Кто освежит память о тебе своими слезами?

Черная измена – величайшее наказание жизни. Можно изменить любимой, а потом прийти и покаяться... Женщины щедры и милостивы, они умеют и любят прощать, это у них от инстинкта материнства. Но если ты изменил жизни, посмел нарушить ее незыблемые законы, кем ты для нее стал? Чужаком, ненужным, вредным, и она в целях самозащиты, во имя своей вечности, уничтожает тебя. Кто ты для нее? Венец творения природы? Нет, всего лишь одна из разновидностей живых организмов: тип – хордовых, подтип – позвоночных, класс – млекопитающих, отряд приматов, семейство гоминид... Э-эх, Гришка, Гришка!..

Увидел. Узнал свою плоть и кровь. Да и как было не узнать густые, широченные брови, крутой бугристый лоб (свой лоб!). Глаза спелые, сочные – глаза твоей Фенюшки. Ты же любил ее, пусть дико, зло, но любил!

...И Гришка Ходан, увидев Саню, признав в нем сына, – подошел. Этого не стоило делать. В его заячем положении такой поступок был чреват самыми тяжелыми последствиями. Но черт с ними, с последствиями: пусть ловят, как бешеную собаку, пусть судят, пусть расстреливают и вешают. Хоть привселюдно!

Он просто не мог не подойти – его вел зов крови.

Саня сидел в качалке и думал о чем-то своем. Ивану Ивановичу показалось, что сын не хочет продолжать разговора, и он решил на время сменить тему: пусть Саня поуспокоится...

– Вино-то с кем?..

– Со Славкой. Приехал в отпуск. Только не вино, а пиво.

Славка Сирко – самый близкий и, пожалуй, единственный друг Сани. Закадычный, со второго класса. Славка из породы бузотеристых, нахрапистых. Саня с ним – неразлейвода, если не считать случая, когда мальчишкой «посадил» друга на вилку, словно жареного карася. Они учились в третьем классе. И уж очень обидел тогда Славка – председательский сынок – приемыша участкового милиционера, растрезвонив его тайну: мол, тех, кому поставлен при школе памятник, расстрелял собственноручно родной отец Саньки – фашист и подлюка Григорий Ходан. И Санька на самом деле вовсе не Санька, а Адольф, как Гитлер. Теперь, по прошествии стольких лет, друзья, вспоминая тот случай, лишь улыбаются; кто из мальчишек в таком возрасте не дрался! А тогда... Славкин отец, председатель благодатненского колхоза «Путь к коммунизму» Петр Федорович, основательно выпорол своего сына: «за подлость».

Учился Славка Сирко кое-как. Из класса в класс его переводили скорее из-за уважения к отцу. Благодатнейшую школу все-таки домучил, но учиться дальше не захотел. Петр Федорович, рассердившись, сказал: «И черт с тобой, с безмозглым». Мать обратилась к Ивану Ивановичу, который в то время был начальником угрозыска районного отделения милиции, и тот помог парню поступить в ремесленное железнодорожное училище. Славка избегал книг и тетрадей, как черт ладана. Он ушел из училища через год, определился учеником слесаря в железнодорожные ремонтные мастерские, там и проработал до армии. Впрочем, переход «на самостоятельные хлеба» был связан с женитьбой.

Себя он нашел в армии, оставшись на сверхсрочную. Оружейный мастер, начальство им довольно: прапорщику Сирко – благодарность, прапорщику Сирко – внеочередной отпуск за отличное выполнение задания командования. Вот так и раскрываются таланты.

Но для Ивана Ивановича на всю жизнь осталось загадкой, что в этом бесшабашном парне привлекало Саню, человека серьезного, вдумчивого? Правда, Славка был заводилой, веселый, душа любой компании. Он знал массу песен. Природа наградила его красивым, сочным баритоном, возможно, ему следовало бы поступать в консерваторию, но лень-матушка перекрыла дорогу таланту: видать, «чужой» достался, коль так безалаберно с ним обошелся.

Словом, приехал друг. А когда прапорщик Станислав Сирко появлялся в Донецке, аспирант Александр Орач забрасывал все свои дела. На сей раз приезд Славки имел самое непосредственное отношение к встрече Сани с Григорием Ходином.

– Днем жара допекала, – начал Саня. – И решили мы освежиться пивком: подались в «Дубок». Славка убеждал меня, что там пиво подают по специальным трубам прямо с завода... Стоим за столиком, наслаждаемся напитком, о всякой всячине болтаем. Чувствую, мне как-то не по себе; все обернуться хочется, будто за спиной – глухой лес... Не выдержал, обернулся. Смотрит на меня крепенький мужик, я бы даже сказал, дедок. Бородатый... Глаза – сверла, так и буравят...

Славка кружку прикончил и вышел на минутку... Глазастый подходит ко мне. «Слышал, ты с Карпова Хутора?» А мне от его взгляда – не по себе. Народу – не продохнешь, но у меня такое ощущение, будто встретились мы с этим глазастым на пустынной ночной улице... Отвечаю: «Допустим, что из Карпова Хутора!» Он еще вопрос: «А ты, случаем, не знавал старого мастера Филиппа Авдеича?» Говорю: «А вы его знали?» – «Пару раз довелось повидать». Тут вернулся Славка, и бородач отошел прочь...

Как тут быть? Признать: «Да, это был твой, родненький...» Или все подвергнуть сомнению? Дескать, какой-то захожий, бывал раньше в Карповом Хуторе... Из городских... Может, командировочный. К примеру, заготовитель кожсырья или мяса...

Но отцовское чувство подсказало Ивану Ивановичу, что сейчас шутки неуместны.

Из картотеки памяти возник другой «бородач» – Папа Юля. Конечно, в наше время бородами можно заселить все планеты из созвездия Волосы Вероники. И все же...

– Каков он? – осторожно начал выпрашивать Иван Иванович.

– Глазастый... Уставится – и хмурится при этом. Бороду, наверно, подкрашивает, такая уж она у него приятно-рыжая.

– Нос?

– Нос как нос. Не обратил внимания.

– В чем одет?

– Полосатая безрукавка навывпуск. Волосатая грудь, как у гориллы. И руки по-обезьяньи длинные.

– При встрече узнал бы?

– Даже если он у меня будет стоять за спиной... Почувствую.

– А Славка?

– Что Славка? – не понял Саня.

– Оpoznает?

– Он его не видел! – с непонятной резкостью ответил сын и снова замкнулся.

У Ивана Ивановича создалось впечатление, что Саня уже раскаивается в своей исповеди.

Он сидел молча, покачиваясь в кресле.

Затем вдруг встал, обнял отца за плечи и сказал:

– Папка, я пойду... Договорились со Славкой.

– А не поздно?

– Для друзей, которые сто лет не виделись!..

– Домой-то когда вернешься?

Саня пожал плечами:

– Дом – куда он денется? А друг – уедет...

Марина проводила Саню. Прогромыхала на площадке дверь лифта...

Ушел...

Иван Иванович (в нем уже пробудился работник милиции) взял листок бумаги и записал приметы неизвестного, с которым Саня повстречался в пивном баре «Дубок».

«...Глазастый. Уставится – и хмурится при этом».

Конечно, приметы чисто эмоционального плана. «Чувствую, что мне как-то не по себе: обернуться хочется, точно за спиной – глухой лес». Это чувство опасности... У одних оно выражено поострее, у других, особенно живущих в благоприятных, тепличных условиях, притупилось.

«...Рубашка... Полосатая безрукавка навывпуск» – тоже ненадежная примета. Одед – снял... А вот волосатая грудь, «как у гориллы», и руки, по-обезьяньи длинные... Да еще рыжеватая, подкрашенная борода... Это уже кое-что.

А в целом – чистая глупистика. Если майор Орач убежден, что его сын видел именно Григория Ходана, то надо срочно поднимать на ноги милицию, перекрывать дороги и вокзалы, прочесывать посадки, обследовать все шахтерские поселки. Но начинать такое мероприятие по несурзной причине... Парню, выпившему пива, показалось, что кто-то слишком пристально смотрит на него... А потом этот «кто-то» спросил, ориентируясь на случайно подслушанный разговор: «Твоего деда не Филиппом Авдеичем звали?» В свое время тароватому на веселое слово и озорную выдумку мастеру – что печь сложить, что смастерить узорное крыльцо, поставить хату, гроб сколотить – не было равных во всей округе. Словом, у Филиппа Авдеевича Ходана знакомых и друзей было пол-области. Возможно, один из них и подошел к его внуку... По такому случаю поднимать на ноги все службы милиции не стоит.

Он сеял горе

Иван Иванович посидел минут десять со свояченицей на кухне, поговорили о Сане. Марина чисто по-женски считала, что парню пора бы на жизнь взглянуть глазами простого смертного, а то «эта наука все мозги высушит». Иван Иванович оправдывал сына:

– В науке, как в спорте, вершины доступны только одержимым.

Он отправился спать. В просторной комнате с двумя широченными, прижавшимися друг к другу кроватями (прихоть Аннушки) ему стало грустно, под сердце подкатило тоскливое чувство одиночества. Света не зажигал и занавесок на окнах не задергивал, лежал в полутьме, вглядываясь в заплатку, выкроенную широким, распахнутым настежь окном из притуманенного неба.

...Древние считали, что у каждого из живущих на земле есть своя звезда-хранительница. «Какая же из них Санькина?..»

Мысли все время вились вокруг сына. Вспоминалась та далекая встреча.

Старший сержант Иван Орач, артиллерист-истребитель танков, участник двух войн, возвращался домой... А очутился в районной больнице с проломленным черепом – так его «пригрели» два друга: Суслик и Артист, «пригрели» и ограбили... Три недели провалялся он на больничной койке в двадцати пяти километрах от дома – Карпова Хутора. Потом к нему пришел врач и сказал: «Там, на хуторе, умерла Феня Ходан. Родственница, что ли? Просили отпустить тебя на похороны».

«Родственница...»

Как назвать ту, чье имя ты повторял, словно святое заклинание, в тяжкие минуты, когда белый свет превращался в ночь, когда земля вставала дыбом и все вокруг грохотало, визжало, свистело, рвалось...

«Феня! Фенюшка...»

И так десять, двадцать, сто раз кряду... Не эта ли святая вера в волшебную силу любви отводила от тебя беды?

Первая любовь... Семь лет жил ею солдат...

Ивана отпустили на похороны.

Погожий солнечный день. Ослепительно сияет укатанная снежная дорога. Накручивается и накручивается на колеса – бесконечная.

Вдоль большака стоят в почетном карауле древние тополя. Их посадили шестьдесят шесть лет тому назад, когда в здешних землях нашли доломит, серый камень, столь нужный металлургическим заводам Юзовки и Мариуполя. Пробивали к карьерам дорогу, а чтобы она во выюге не затерялась в степи, пометили тополями. Деревья выросли, набрались сил, и теперь трудно себе даже представить, что когда-то их здесь не было. Они давно уже стали неотъемлемой частью пейзажа.

Почему Иван в те минуты думал о голубизне неба, о судьбе тополей, которых посадили две мировые войны? Может, в этом был виноват солнечный день, в который не вписывались черные траурные краски? Не щемило солдатское сердце от горечи утраты: Иван уже давно привык к мысли о смерти Фени. Это мать в письмах внушила сыну: «Не жилец наша Фенюшка на белом свете».

Иван попросил водителя не въезжать в хутор, остановиться подальше от людских глаз. Машина ушла, и тогда волнение одолело вчерашнего солдата. Напала желтая лихорадка. Бьет, полосует всего.

Иван был уверен, что тело Фени лежит у них в хате. Но хуторские толпились на ходановском подворье – это рядом с домом Ивана, через огород.

Нет, не мог он избавиться от ощущения, что это Гришкин дом: здесь родился, вырос, здесь творил свои преступления Григорий Ходан.

Иван подался к себе.

В ушах гудит, впору оглохнуть. Переступил порог родного дома – и к горлу подступил комок. «Эх, старший сержант», – попрекнул он себя, расчувствовавшись до слез.

В хате тихо, тепло и уютно. Пахнуло наваристым борщом, картошкой в мундире, хлебом, кислой капустой и еще чем-то привычным с детства, а потому родным. В кухне кто-то постукивал о миску.

– Матинко! – воскликнул взволнованный Иван. Ему бы тихонько войти, зажать матери ладошкой глаза, как в детстве: «Отгадай!» Но не хватило на этот раз у солдата выдержки.

– Чего тебе? – отозвался из кухни детский голос.

Возле старенького кухонного стола, сработанного в незапамятные времена сельским умельцем, на табуретке сидел мальчишка лет восьми. Остренький носик, огромные черные глазищи, – галчонок. Екнуло Иваново сердце.

– Внук Авдеича, что ли? – невольно спросил он. «Фенин сын».

– Я хвашист, – угрюмо ответил мальчишка и весь оцетинился. Ложку в сторону, миску, из которой хлебал борщ, – на середину стола.

Иван оторопел.

– Да какой же ты фашист?

– А меня так дразнят. И в школе, и на хуторе... А я за то им бью морды! – Он показал кулачок. – А вчера сыну тети Жабы так надавал, так надавал! – злостью загорелись глазенки младшего Ходана.

Эта злоба обожгла солдатское сердце, как неожиданное пламя. Вот бросили в костер охапку соломы, вспыхнула и опалила неосторожных, беспечных.

– «Тетя Жаба» – это кто? – спросил Иван. Он не знал, о чем и как вести разговор с мальчонкой, заряженным лютой ненавистью.

– Наша учителька. Жабенок не пускал меня в класс: «Покажи да покажи вторую обувку». Ну, галоши, або что, – он вдруг залился краской стыда. Не было у маленького Ходана второй обувки. – Говорю: «Пусти, хуже будет!» Так он обозвал меня хвашистом. Я ему головой в живот ка-ак дал, он и сел. Разевает большой рот, словно жаба. Тут его мамка из учительской выскочила. За уши меня, за уши. Оттаскивает от жабенка. Я ее укусил, она завизжала: «Хвашист!» Я – драла.

Мальчишка рассмеялся. Он был доволен: таки постоял за себя.

Хутор мстил сыну Гришки Ходана... «Подлюка! – подумал Иван о Гришке, – заставил ребенка расплачиваться за свое предательство».

Мальчишка оглядел его и сказал:

– Ты – Ванюша? Я тебя по фотокарточке узнал. Там, на стенке за стеклом.

Он говорил совершенно не по-детски. Строил фразу грамотно, слова подбирал умело. И откуда такая речь у деревенского второклассника из донецкого хутора, где все разговаривают суржилом: смесь украинских и русских слов?

Иван инстинктивно почувствовал, что у мальчонки с именем связаны большие неприятности. «Неужели сбывается проклятие полицая, который со злым умыслом нарек сына Адольфом?»

– Хочешь, отгадаю твое имя? Санька – вот ты кто.

И потеплели на миг глаза-угольки. Мальчишка смутился.

– Так меня зовут бабка Матвеевна и дед Авдеич. – Глянул на военного и застеснялся. – Ты голодный? – спросил солидно. – Бабка Матвеевна такого вкусного борща наварила. Хочешь?

– Не хочу, – отказался Иван.

Перед трагедией Фениного сына померкло все: и собственная беда, и ненависть к Гришке Ходану, и даже смерть Фени. «Кем вырастет этот мальчишка, который живет ненавистью? Пока Санька беспомощен. Но он подрастет, окрепнет, наберется сил. Автомата не будет – смастерит самопал, изготовит обреза, выточит из плоского напильника финку... Придет в дом к ненавистной тете Жабе и к ее сыну. Он воздаст сторицей за пережитое унижение. Тогда люди вспомнят: «Его отец – душегуб! И этот ублюдок в него!» Люди! Но это же вы посеяли злобу в сердце мальчонки! По зернышку каждый. Вы лелеяли ядовитые исходы, удобряли их своей глупостью, своей черствостью. И блеснувший однажды в его руках нож станет протестом загнанного, обессилевшего от долгой травли человека.

– На поминки, что ли, борщ-то? – спросил Иван мальчонку, кивнув на печку, откуда шел густой запах.

– Угу. Мамка подохла, – пояснил тот, хмурясь чисто по-ходановски.

– Что ж ты так... о матери?

– Она была чокнутая, – пробурчал мальчонка, покрутил пальцем у виска. В воспаленных глазах заискрились слезинки. – Она меня звала «маленьким Гитлером»! – выкрикнул он.

Муторно стало на душе у Ивана, словно его опять саданули по затылку коротким ломиком-«фомкой». Где-то в мозгах ожил комарик, противно запищал, вызывая тошноту.

– А знаешь, почему она стала такой? Один фашист... зверь зверем, отобрал тебя, усадил ее силой в бричку и увез. Она плакала, убивалась, боялась, что ты помрешь без нее с голоду. И от горя потеряла рассудок.

Иван разговаривал с мальчишкой, как с равным, как со своим сверстником. Он не хотел унижить его еще одним недоверием.

– Меня выкормила козьим молоком бабка Матвеевна! – Мальчишка был упрям. Свое мнение он выстрадал и не собирался отказываться от него. – А мамка называла меня «маленьким Гитлером»! – Он не мог простить обиды никому! Даже родной матери. Слишком много и жестоко страдал от несправедливости хуторян.

Они не успели завершить разговор – нечто незримое встало между ними, начало разделять. Внутреннее недоверие к правоте другого? Но вот распахнулась дверь, на пороге появилась мать. Она протянула к Ивану руки, а сделать шага уже не могла: ноги не слушались.

– Ванюша! – И заплакала.

Он подхватил ее: легонькая, маленькая... А в его представлении она жила рослой, мужественной. Когда-то ей безропотно подчинялись семидесятипятикилограммовые мешки с картошкой, она ловко орудовала и лопатой, и вилами, и даже топором, – мало ли что приходилось подлатать, в хозяйстве солдатки!

– Господи! – сквозь слезы проговорила мать. – Фенюшка-то наша растаяла, как свечка. Прибрал господь. Может, оно и к лучшему: что такому человеку от жизни? А надежды никакой. Плоха она была последнее время, ох, плоха. Все с ним воевала, – кивнула мать на мальчонку, который бдительно следил за разговором взрослых.

Насупился. Бука букой.

– Иди, погуляй, Саня, я кое-что спрошу у твоей бабки Матвеевны. Секретное, – шутливо добавил Иван, видя, как помрачнел мальчонка.

Тот вышел и злобно хлопнул дверью.

Тяжко вздохнула Екатерина Матвеевна:

– Не знаем с Авдеичем, чем горю помочь, – совсем от рук отбился.

Учительница сказала: «В колонию отправлю». А башковитый мальчишка, с пяти лет читает. Все, какие есть, у кого на хуторе книги – перечитал. И по арифметике прытко соображает. Какая у нас на хуторе школа? Все классы – в одной хате. И учительница одна на всех. Ты ее не знаешь, она приехала с ребеночком, когда еще шла война. Грамотная. И на молочарке работала, и учетчицей, а открыли свою школу на хуторе – пошла учительницей. Пишет она на

одной доске для первых и третьих классов, а на другой для вторых и четвертых. Едва закончит писать задачу – у Саньки уже готов ответ. И за третий, и за четвертый класс решит. Вот она и сердится: родной-то ее сынок такой недотепа...

– Обозлили мальчонку, – буркнул Иван.

Мать почувствовала себя виноватой.

– Не могут люди забыть, как его отец хозяйничал в округе. Кому он только не насолил! – Она снова вздохнула и позвала: – Пойдем, Ванюша, глянешь на Феню.

Иван остановился на пороге, вспомнил о Саньке, которого выдворил из кухни.

– Ты где там? – заглянул он в комнату.

Мальчишка забился в угол и плакал. Он не вытирал слез. Они сбегали по смуглым щекам и застывали капельками живого янтаря.

– А я-то думал, что ты из героев! – с сочувствием проговорил Иван. – С четырехклассниками сражался и побеждал.

Иван хотел привлечь мальчишку к себе, положил руку ему на плечо. Но Санька рванулся в сторону, больно ударился головой о стенку.

– Не тронь! – выкрикнул он. Дико заблестели глазенки. – Иди, целуйся со своей Матвеевной!

Иван невольно присвистнул:

– Э-э, вон ты куда гнешь!

Екатерина Матвеевна поняла состояние своего воспитанника.

– Саня, да это же мой сынок! С фашистами воевал. Герой. Вернулся из армии. Я тебе о нем рассказывала и фотокарточки показывала. Не забыл?

Трясет головой мальчишка: нет, не забыл. Он все отлично помнит: пока не было этого военного, ворчливая, но добрая Матвеевна целовала и голубила его, Саньку Ходана.

Хочет старая женщина приласкать обиженного. Но где там!

– «Федул! – шутливо дразнил Иван мальчишку. – Чего губы надул?» – «Кафтан прожёт». – «А велика ли дыра-то?» – «Один ворот остался».

Это была еще одна попытка восстановить поправленный мир.

– Иди к своей сумасшедшей! – выкрикнул мальчишка. Ивану стало неприятно: «Я же к нему всей душой...»

И то хорошее, что он питал к сыну Фени, вдруг начало улетучиваться.

– Пошли, матинко... Ты на меня, Саня, не сердись. Я люблю свою маму, давно не видел ее, соскучился.

Они вышли, оставив парнишку одного в комнате.

– Ванюша, не держи на Саню сердца, – просила мать. – Кто приголубит такого, кроме нас с Авдеичем? Мальчонка так тоскует по ласке...

– Да я на него и не обижаюсь, – проговорил Иван. – Я все понимаю.

Проснулся Иван Иванович от пронизывающего утреннюю тишину шепота двух сестер: вернулась Аннушка.

Ночью что-то снилось... Неприятное. Это от чрезмерной усталости, накопившейся за командировку. Сердце работало с перегрузкой...

Хотел вспомнить сон и не мог. Может, оно и к лучшему? Заикнись Аннушке, она примется толковать на свой лад. А всех-то делов – спал на левом боку.

Облачился в пижаму и направился в ванную. Можно было идти через кухню, но там шептались сестры: Иван Иванович избрал иной путь – через Санину комнату, которая считалась их совместным кабинетом.

На столе у сына Иван Иванович увидел... свою книгу. Это был словарь жаргона преступников, Иван Иванович держал его на своей полке. Аннушка делами мужа особенно не интересовалась, Иришке такая книга ни к чему, Марина, которую судьба провела через огонь, воды,

медные трубы и чертовы зубы, сама могла бы составить жаргонник, но она люто ненавидела все, что хоть отдаленно могло напомнить ей о тяжелом прошлом... Саня?.. Он однажды держал этот словарь в руках, полистал, хмыкнул по поводу того, что таракана называют «бабушкой», а блоху – «кавалеристом», подсчитал, что у слова «женщина» восемьдесят восемь синонимов и каждый несет в себе какой-то оттенок, не без сарказма сказал: «Чувствуется, что над разработкой этой темы трудилось не одно поколение выдающихся умов»; закрыл словарь и потерял к нему всякий интерес. Это было почти два года тому назад.

«Что он искал в нем сейчас?»

Иван Иванович взял со стола книгу. Она открылась в самом начале, – видимо, на этом месте ее перегнули. Бросилась в глаза крохотная точка, поставленная старым стержнем от ручки против слова «автомат», рядом стояло пояснение: «Пистолет-пулемет Шпагина – «примус»; автомат Калашникова – «игромет».

Иван Иванович сразу же вспомнил вчерашний разговор с Евгением Павловичем. Даже услышал голос Строкуна, интонацию, с какой тот говорил: «Санька вторые сутки тебя ищет».

«Что он хотел?»

«Поинтересовался, что такое примус». Но где Саня мог услышать это жаргонное обозначение автомата? От кого? Почему проявил к нему повышенный интерес?

Припомнился и показавшийся нелепым разговор о стоимости автомата системы Калашникова на «черном рынке»...

Иван Иванович уставился на точку-крохотулячку, оставленную против слова «автомат».

Такая ли уж тут «голая теория»? Только ли сюжет для рассказа, который аспирант кафедры академика Генералова пообещал написать по заказу «симпатяшки» из институтской многотиражки?

Захотелось немедленно позвонить в редакцию, разыскать «симпатяшку» – студенческого корреспондента и спросить: «Александр Орач обещал вам... рассказ?» Она бы ответила: «Обещал...» И это успокоило бы Ивана Ивановича.

Но он не мог позвонить в институт. Кому? По какому поводу?

Иван Иванович поставил словарь на место. Но уйти из комнаты не мог, словно бычок, привязанный к колышку, топтался возле стеллажа.

Откуда взялся автомат у владельца?

«Нашел!» Но пистолеты-пулеметы в наше время на улицах не валяются. После войны еще можно было найти на месте прежних боев... Но не системы Калашникова...

«Изготовил своими руками»... Разве что обрез... Папа Юли, грабя вместе с Кузьмой Прутковым – Сусликом и Георгием Победоносцем – Артистом мебельный магазин «Все для новоселов» был вооружен обрезом, который он смастерил из старого ППШ.

«Украл...» Автомат системы Калашникова, который принят на вооружение в нашей армии, можно только украсть.

Иван Иванович прошел в ванную и, включив в розетку электробритву, начал бриться.

В приоткрытую дверь заглянула Аннушка.

– Встал? А мы с Мариной думаем, что ты отсыпаясь шепчешься.

Ткнулась пухлыми губами в его щеку – приласкалась.

– Саня не ночевал, – сказал он жене, не сумев скрыть тревогу.

Аннушка улыбнулась, она была спокойна: на щеках полнились милые ямочки.

– Славка приехал в отпуск, и они подались в Благодатное. С автовокзала позвонил, предупредил Марину. – Аннушка быстро исчерпала эту тему и перешла к другой – о дочери. – Приехала к Иришке, а она мне: «Ты почему приехала? Родительский день в следующее воскресенье». Спрашиваю: «Ты что, не рада?» – «Рада, – отвечает, – но день – не родительский. К другим не пускают, и ко мне не надо ездить. Стыдно». И от подарка отказалась. Я ей кое-что привезла. Говорит: «Забери назад. Родители привозят, дети объедаются, а потом болеют»,

совсем стала взрослой! – восхищалась Аннушка дочерью. – Вытянулась. Загорела. Спрашиваю: «Ты о нас с папой скучаешь?» – «Нет», – говорит. А когда я собралась уходить, обняла меня и расцеловала.

Иван Иванович слушал жену вполуха. Жужжала бритва, и голова была занята совсем другими мыслями...

Впрочем, может быть, точка в словаре против слова «автомат» – действительно всего лишь поиск детали для детективного рассказа?

Но довод был слишком слабым. Если бы Саня шел от словаря к сюжету, он бы не стал спрашивать у дяди Жени – полковника милиции Строкуна, что такое «примус» – узнал бы из словаря. А Саня сначала услышал это жаргонное слово, не понял его, но насторожился и стал искать пояснения. Обратился к дяде Жене, потом – к словарю... Не в пивном ли баре «Дубок»?

«Григорий Ходан жив. Я его видел... Стоим со Славкой за стойкой, наслаждаемся напитком, о всякой всячине болтаем. Чувствую, мне как-то не по себе: все обернуться хочется, будто за спиной – глухой лес... Не выдержал, обернулся. Смотрит на меня... Бородатый... Глазасверла, так и буравят.

– Слышал, ты из Карпова Хутора?

А мне от его взгляда – не по себе. Народу – не продохнешь, но у меня такое ощущение, будто встретились мы... на пустынной ночной улице».

Только ли от взгляда стало Сане не по себе? Может, он что-то услышал? От рыжебородого... От Григория Ходана. В пивной, где народу не продохнешь, матерый преступник не станет говорить о пистолете-пулемете, даже на жаргоне. Он поищет место поукромнее. Выходит... Что же выходит? Саня что-то недоговорил...

Сели завтракать. В иное время Иван Иванович обязательно рассказал бы свояченице о признании Сани: «Григорий Ходан жив. Я его видел...»

Но что-то удерживало его от такого разговора с Мариной.

«Вернется Саня из Благодатного... Поговорю вначале с ним. С глазу на глаз, как мужчина с женщиной, как отец с сыном, как майор милиции с излишне доверчивым неопытным человеком, у которого совершенно не развито чувство опасности».

– Отец, ты чего?.. Словно не в своей тарелке... – спросила Аннушка.

– По работе неприятности... – буркнул он.

Этого было для нее вполне достаточно. Аннушка никогда не вникала в специфику его нелегкой службы.

Глаза у страха велики

День выдался напряженным. Иван Иванович пришел в Управление в начале девятого – хотелось еще раз осмыслить сложившуюся ситуацию по делу об ограблении мебельного магазина. Но позвонил Строкун и сказал:

– Майор Орач, генерал жаждет нас видеть.

Генерал – это начальник Управления внутренних дел облисполкома. На белом свете много генералов разных рангов, которые занимают разные должности, но в Управлении этим словом всегда называли одного человека, – оно заменяло ему фамилию и имя-отчество.

Разговор с генералом не мог быть особенно приятным майору Орачу. За его группой с начала года числилось три нераскрытых дела, в том числе убийство охранника вневедомственной охраны, который дежурил при входе в здание Министерства угольной промышленности. Казалось бы, все очень просто: в конце рабочего дня кто-то вошел в вестибюль, рядом оказался охранник, и в него выстрелили. Но кто именно? Увы, свидетелей не было. Иван Иванович со своей группой два месяца бился над расследованием. Каких только версий не выдвигали! Мечь. Ревность. Охота за оружием. Охранника с кем-то спутали... Убийца-маньяк. Ни одно из этих предположений не подтвердилось. Майор Орач как розыскник расписался в собственном бессилии. Обидно. Это унижает тебя в собственных глазах, вызывает горькое сочувствие у товарищей по работе и постоянные (молчаливые – они еще острее) упреки начальства. За год майору Орачу пришлось принять участие в раскрытии нескольких преступлений... Удивляться не приходится: область промышленная, из пяти миллионов жителей – четыре с половиной живет в городах и поселках городского типа. А сложная оперативная обстановка складывается именно в городах. Урбанизация, акселерация, миграция... Изменяется социальный состав страны, изменяется и картина преступности. А по какой-то непонятной давней традиции принято считать, что в изменении картины преступности виновата милиция. Будто преступность – это продукция правопорядка, а не издержки развития общества в целом.

– В прошлом году у вас было пять нераскрытых преступлений, а в этом году – шесть: рост нераскрытости – двадцать процентов!

Внимательно выслушав майора Орача и полковника Строкуна, генерал принялся рассматривать портреты Егора Дорошенко и Кузьмакова, воссозданные художником по рассказам очевидцев.

– Всесоюзный розыск рано или поздно свое дело сделает, но нас с вами это не устраивает. Вы убеждены, Иван Иванович, что эта парочка, – он показал на портреты Дорошенко и Кузьмакова, – не выехала из Донбасса?

– Предполагаю, товарищ генерал, – ответил Орач. – Косвенные данные...

– Евгений Павлович, – обратился генерал к Строкуну, – в таком случае грош цена нам с вами, как работникам милиции. Двое известных розыску преступников в двух шагах от нас с вами, а мы, словно слепые котят, тычемся вокруг да около. И потом, почему до сих пор толком ничего не выяснено об этом легендарном Папе Юле! Хотя бы эскиз портрета по описанию очевидцев. Есть такие?

– Четверо, не считая работников магазина и случайных людей, оказавшихся в тот момент в магазине. На редкость противоречивые сведения: то с бородой – то без бороды, то высокий – то низкий, то лысый – то чубатый, то старый – то молодой. А подельники задавлены страхом и готовы принять все его грехи на себя, лишь бы не упоминать в показаниях этой личности.

Генерал покачал головой.

– Чем меньше хотят говорить о Папе Юле его сообщники, тем острее необходимость у нас с вами знать о нем хоть что-нибудь. Побеседуйте еще разок-другой на эту тему с заинтересованными лицами, – посоветовал генерал.

Совет начальника – приказ для подчиненных.

Впрочем, Иван Иванович и сам понимал, что о Папе Юле – опытнейшем и опаснейшем рецидивисте – он практически ничего не знает.

Слушая генерала, Иван Иванович не переставал думать о Сане, о его встрече с Григорием Ходаном. «Густая, приятно-рыжеватая борода, волосатая, как у обезьяны, грудь, длинные руки...»

«Интересно, а что по этому поводу скажут наши женщины?» – (Он имел в виду Круглову и Тюльпанову).

После того, как закончился разговор у генерала, Иван Иванович отправился в следственный изолятор на очередное свидание со своими подопечными.

Сказать, что походы в следственный изолятор доставляли Ивану Ивановичу особое удовольствие, – нельзя. Мрачное заведение, строгие порядки содержания заключенных, длинные гулкие коридоры. Тяжелые двери с «глазком», серого цвета стены, стойкие, присущие только тюрьме запахи...

Но служба есть служба.

Позже, покидая негостеприимное здание следственного изолятора, Иван Иванович, измученный многочасовой бесплодной беседой с соучастниками Папы Юли, пытался проанализировать разговор.

Круглова, которой шел пятьдесят второй год, женщина, высушенная безалаберной жизнью и болячками (почки, желудок, неврастения), при первом же допросе ударилась в слезы. Реветь она умела и придерживалась этой тактики «Ниагарского водопада» во время всех встреч с работниками милиции. Дескать, ничего не знает и не ведает. Вся вина ее в том, что на зарплату уборщицы не проживешь. Вот и сдает она приезжим, которые не смогли устроиться в гостинице, комнату. Недорого: два рубля в сутки. Постель всегда чистая, простыни накрахмалены, две подушки, полотенце... Так же и этот... которого следователь называет Папой Юлей... Сказал, что приехал на неделю. Выгодный клиент. Но как-то утром ушел и не вернулся, а денег не заплатил. Так что если его изловят, то уж пусть гражданин майор побеспокоится, чтобы причитающиеся ей деньги клиент отдал. А насчет того, какие у него руки, – она не помнит. Если бы он расплатился, может, она и обратила бы внимание на руки. И вообще, она женщина старая, больная, пожалеть ее некому, а обидеть всякий норовит.

Каждое слово старая притонщица сопровождала слезой.

С Алевтиной Тюльпановой разговор был еще более неприятным.

«Я с вашим Папой Юлей не спала, так что, какая у него грудь – волосатая или лысая, – не знаю. И о его руках расскажет другая, которая их помнит. А у нас с ним любовь – вегетарианская».

Если верить Алевтине Тюльпановой, то она даже прозвище Папа Юля впервые услышала только от «гражданина следователя».

На вопрос, как же она нашла этого «папу» (что на воровском жаргоне означает «главарь»), ответила: «Кто-то позвонил, мол, если не хочешь, чтобы о твоём прошлом узнал муж, приходи в сквер Пушкина, под памятник, потолкуем...»

А какой женщине захочется, чтобы супруг дознался об ошибках юности!

Ошибки юности... Смазливенькая девчонка-подросток подбирала «клиентов» возле ресторанов, гостиниц, вокзалов и «выводила» их на своих дружков-грабителей.

Словом, она не знает никакого Папу Юлю. Ну, вышла на свидание к памятнику Пушкина... Толковал с нею один тип... Но когда это было? Четыре года тому. Забыла... Тогда он был без бороды. А за четыре года можно троих детей родить, не только бороду отрастить.

Она не отрицала, что дала машину мужа «напрокат» Георгию Победоносцу, хотя догадывалась, что «колеса» ему нужны не для прогулки с «очередной кралей». Алевтина объяснила свой поступок чувством ревности:

«Пять лет мой благоверный путался с Генераловой. Надоело!»

«Но они встречались не без вашего молчаливого согласия и даже участия, – напомнил ей Иван Иванович. – К тому же и вы в долгу не оставались».

«Он связался с Генераловой первым... И толкнул меня на этот скользкий путь».

«Но отношения Тюльпанова с Генераловой остались в рамках: «Люблю чужую жену», «Люблю чужого мужа», а ваши с Пряниковым и Папой Юлей подпадают под ряд статей Уголовного кодекса».

«Никаких отношений с Папой Юлей у меня не было, – резко возразила Алевтина Тюльпанова. – Он звонил, приказывал, я выполняла... Из страха...»

На этом разговор с нею оборвался.

Всеволод Пряников притворился дурачком: мол, не все равно, какие у человека руки, если он грабил магазин. «А борода... Шел на дело, мог прицепить. Я в мебельном не был... И вообще видел Папу Юлю в своей жизни раз или два. Случайно».

Ох, эти далеко не случайные случайности!

Папа Юля подсказал Всеволоду Пряникову, как можно без особых хлопот иметь постоянные солидные доходы. Советские законы – гуманные, народ наш незлопамятный. Было что-то с человеком, по молодости, по глупости накуролесил. Отбыл свое – и возвращайся к нормальной жизни. Конечно, не все начальники, ведающие рабочими кадрами, встречают хлебом-солью «бывших», за плечами у которых две-три судимости. Но ведь где-то работать им надо!..

И вот Всеволод Пряников создал у себя бригаду проходчиков в основном из бывших осужденных. Принимали в эту бригаду только тех, кого рекомендовал Папа Юля, и, естественно, бригада жила «по зековским законам». Случается в местах не столь отдаленных, что человек отдает часть своего труда какому-нибудь «сильному», из главарей. Таких отработчиков называют «блатными мужиками». Вот и Пряников... Внешне все выглядело сверхпатриотично: вчерашние правонарушители перевоспитываются. А на деле... За счет чудовищных приписок на участке Пряникова средняя зарплата достигала 800–900 рублей.

Кроме собственной зарплаты, Пряников имел, как принято говорить, «дополнительные» доходы: каждый из тридцати семи проходчиков передавал ему через своего бригадира по 200 рублей. «Блатные мужики» не роптали: в скоростную проходческую бригаду Папой Юлей подбирались такие, которые умеют молчать, а потом 600–700 рублей, которые им оставались, – заработок тоже достаточно высокий.

Участок Пряникова «гремел» четыре года. О нем писали в газетах. Сам Пряников постоянно восседал в различных президиумах. Еще бы! Человек «продвигал» скоростные забои со скоростью мировых рекордов. И ко всему был «свойским парнем», человеком широкой натуры (впрочем, собирая ежемесячную дань по семь-восемь тысяч рублей, можно быть щедрым по отношению «к нужным людям»). Но, как показало следствие, Пряников, по существу, был лишь «дойной коровой»: значительная доля ежемесячных поборов доставалась Папе Юле и его друзьям Дорошенко (Георгию Победоносцу) и Кузьмакову (Козьме Пруткову).

Не отрицая ничего, в чем его обвиняли, Всеволод Пряников божился, что лицеизреть Папу Юлю не имел счастья: «Связь мы поддерживали через Тюльпанову».

А вот Ярослав Гриб, пройдоха и хитрюга, был с Иваном Ивановичем более откровенным:

«Гражданин майор, у меня такая плохая память потому, что у Папы Юли она слишком хорошая. Ну что я буду иметь по статье? Семь лет. Да скостят за ударный труд и примерное поведение. А Папа Юля любого угрохает: буду ли я на Колыме вкалывать, или в Сибири – он всюду найдет и достанет. Так что никаких рыжебородых я не встречал, первый раз слышу, что такие вообще бывают».

«Мне нужна твоя вера, тебе – вещественные доказательства!»

Уставший от бесплодных разговоров, подавленный своей неудачей, Иван Иванович вернулся к себе в отдел. Там уже никого не было. Оно и к лучшему: хотелось побыть одному, разобраться в неудачах, найти причину.

Едва он уселся поудобнее за столом, как зазвонил телефон. Треск в трубке и густой бас, исполнявший арию Караса из оперы «Запорожец за Дунаем», подсказали Ивану Ивановичу, что звонят из отдаленного района.

«Так и есть, Волновая...»

– Товарищ майор! – кричал дежурный райотдела. – У нас ЧП: привели двоих, затеяли драку в ДК – ваш Саня и сынок Петра Федоровича.

«Этого еще не хватало! – подивился Иван Иванович. – Без пяти минут кандидат геологических наук ввязывается в драку в общественном месте!»

– С кем они завелись? – спросил он дежурного.

– Друг с другом... У вашего Сани – рука порезана. У Сирко – физиономия всмятку...

Час от часу не легче!

– Пьяные?

– То-то и оно, что трезвые... Я хотел... Сами понимаете, товарищ майор, Петр Федорович – человек уважаемый... И при смерти. Думаю, угробит его такое известие о сыне. Решил: возьму грех на душу, выдержу парней, заставлю написать объяснительную, а утром отпущу подобра-поздорову. А ваш сын требует, чтобы дело было передано в прокуратуру. Говорит: «Не сделаете этого, напишу жалобу».

И еще пригрозил: «Отпустите Сирко – беды не миновать, у нас с ним – свои счета». Свидетели говорят, что завелись они из-за какой-то девчонки. Товарищ майор, может, вы приедете? Парням грозит двести шестая... Испортим биографию обоим...

Поножовщина в общественном месте! И с кем! С закадычным другом! Из-за чего? Дежурный райотдела сказал: «Из-за девчонки...» В это трудно было поверить. Славка – женат. В отпуск приехал вместе с женой, мать которой живет в Волновой. И жена у Славки, да и теща такие, что особенно не разгуляешься: крылышки пташке вмиг поощипают. Единственный человек, с кем жена без боязни отпускает Славку на «любые мероприятия», – это Саня. Верит она ему. А у Сани взгляд на девичий вопрос вообще не современный. И вдруг – из-за девчонки драка, поножовщина... И ко всему требование: «Передайте документы в прокуратуру!» Почему друзья в одно мгновение стали вдруг лютыми врагами?»

Иван Иванович ответил дежурному:

– Выезжаю.

Он позвонил домой, предупредил Аннушку:

– Часика на три выскочу в район.

Жены милиционеров... Судьба обделила их вниманием и лаской не менее чем жен моряков, которые по десять месяцев в год без мужей. Вся жизнь милицейской жены соткана из ожидания и надежд, из опасений и страха. Вдруг однажды кто-то из близких друзей мужа, потоптавшись за дверью, осторожно позвонит. Затем, переступив порог, остановится при входе, глядя на застывшую от дурного предчувствия хозяйку виноватыми глазами, и скажет охрипшим от напряжения голосом: «Извини... так уж вышло...»

Ночь-заполночь – звонок. Сонный Иван Иванович протянул руку – телефон всегда рядом. «Да, слушаю. Машину выслали? Выхожу». Еще трубку на место не положил, а свободной рукой уже натягивает рубашку. Чмокнул в щеку жену: «Мать, спи. Справлюсь – вер-

нусь. Пустяковое дело». А по пустяковому ночью заместителя начальника уголовного розыска Управления внутренних дел области не вызывают. Тем более из отдаленного района.

Уехал. Сутки его нет, и третьи – ни слуху, ни духу. Иная, из молодых-неопытных, позвонит на службу. Но и там не найдет утешения, ей ответят с теплотой в голосе: «Да что вы волнуетесь! Такая у него работа». Она-то знает – ра-бо-та... Но сердце полнится тревогой: «Позвонил бы! А уж если так некогда, попросил бы кого-нибудь... хотя бы дежурного: мол, все идет по плану, ждите...»

Ох, это женское сердце! Казалось бы, за девятнадцать лет можно привыкнуть! Разве это первый или последний предупредительный звонок Ивана Ивановича? Но Аннушка встревожилась!

– Что-то хлопотное?

– Ничего особенного: вызвали в район.

Он чувствовал, что она сейчас спросит: «В какой?» Таких вопросов она обычно не задавала, но если вдруг бы спросила, он вынужден был бы ответить: «В Волновую». А это – ее дом, ее родина, и, хотя близких родственников у нее там уже давно нет, Аннушка все равно разволновалась бы, вспомнив, что Саня со Славкой уехали именно в Волновую.

Он сказал:

– Часа через три вернусь. – И поскорее положил телефонную трубку на рычажки.

Зайдя к Строкуну, который тоже не покидал Управления, корпел за столом над какими-то бумагами, Иван Иванович доложил:

– Проскочу в Волновую... Санька там набузотерил: в ДК сцепился со Славкой Сирко. Толком не знаю, но кто-то из них схватился за нож. Доставили в райотдел, Санька требует, чтобы протокол задержания составили по всей форме и обязательно передали в прокуратуру.

Строкун знал, какая давняя дружба у сына майора Орача с сыном знаменитого на всю республику председателя колхоза «Путь к коммунизму» Петра Федоровича Сирко.

– Да что они, мухромов объелись?!

– Будто бы из-за девчонки...

– Санька из-за девчонки пошел с ножом на Славку? Майор Орач, если ты в это поверишь, я перестану тебя уважать как розысчника! Поезжай, разберись...

Парни, разведенные по разным углам, сидели в комнате. Глянув на них мельком, Иван Иванович убедился, что потрепали они друг друга изрядно. У здоровяка Славки (штангой бы ему заниматься, бить мировые рекорды!) под правым глазом – огромный синяк, глаз заплыл и почти не открывается, под породистым вздувшимся носом запеклась корочка крови. Славка, откинув голову назад, положил ее на высокую деревянную спинку жесткой заеложненной лавки и прижимал скомканный в потной руке платок к раскисшей губе, которую украшали роскошные, словно у гусара-ухаря, черные усы.

Сане тоже досталось. Рубашка спущена с плеча, рванули ее за рукав, словно спешили распустить на бинты, чтобы перевязать раненого. Но лицо – чистое, Славкины пудовые кулаки его, видимо, не коснулись.

– Аники-воины! – сердито заключил Иван Иванович.

Славка Сирко виновато, чисто по-мальчишески (парню шел уже тридцатый) потупился и отвернулся. Ему было стыдно. Совсем иное чувство владело Саней: глаза – словно угли потухающего костра, на которые дунул ветер. Он весь собрался, сжался, вот-вот прыгнет на своего обидчика...

Иван Иванович прошел к дежурному за стеклянную перегородку.

Майора Орача в здешнем райотделе считали «своим», здесь он начинал службу участковым инспектором, затем розыскником. Дослужился до капитана, отсюда несколько лет тому его и направили в областное управление.

При виде Ивана Ивановича дежурный поднялся из-за пульта. Он был смущен, – уж так ему все это неприятно...

– Что тут все-таки произошло? – спросил Иван Иванович.

– Они молчат, – кивнул дежурный на доставленных, которых хорошо было видно сквозь стеклянную стенку. – Позвонили из ДК: дерутся парни, из приезжих, могут порезать друг друга. Тут как раз подвернулись ребята из ГАИ на мотоцикле.

И вот – привезли... – Дежурный выложил на стол складной нож с деревянной ручкой, – такими садовники обычно делают обрезку кроны. – У Сирко отобрали. А ваш орудовал ремнем с офицерской пряжкой.

Иван Иванович взвесил на ладошке нож. Сколько ему за годы работы в милиции довелось повидать таких ножей – с государственным клеймом и самоделок, некоторые из них были настоящими произведениями искусства. Но все – участники (а затем – вещественные доказательства) человеческих трагедий: они калечили и убивали.

Ивану Ивановичу было обидно за сына и его закадычного друга: до такой степени потерять человеческий облик!

Правая рука Сани была замотана платком. «Нож за лезвие поймал», – определил Иван Иванович. Саня сжимал порезанную ладошку в кулак, значит, пальцы сгибались, сухожилия целы. А могло все закончиться и более трагически.

«Дурошлепы!» – обругал он в душе обоих.

Его удручала злость, которая руководила драчунами, та жестокость, с которой они сцепились, а главное, то несчастье, которое могло произойти, не подоспей вовремя сотрудники ГАИ на мотоцикле. «Кто из них виноват? Кому отдать предпочтение? И надо ли кому-то из них отдавать это предпочтение?»

– Обоюдная драка с применением холодного оружия, – констатировал Иван Иванович. – Злостное хулиганство в общественном месте – статья двести шестая, часть третья Уголовного кодекса – до семи лет лишения свободы.

Парни угрюмо молчали.

– Что вы не поделили? – жестко спросил Иван Иванович. В таком тоне он вел допрос отъявленных бандитов. Подержал в руках нож, передал его дежурному.

Славка, должно быть, понял, что шутки кончились. Побледнел.

– Не я начал, – кивнул на Саню. – Я за ним в Донецк приехал, соскучился. В ресторане пообедали. Вечером сюда прикатили, батю в Благодатном навестили... Отпуск мне дали по телеграмме... Попрощаться вызвал, говорит: «Умру скоро».

Иван Иванович знал, что знаменитый председатель благодатненского колхоза Петр Федорович Сирко доживает последние дни: заел бывшего воина ревмокардит. Да и в послевоенные годы, когда восстанавливался дотла разоренный, разграбленный оккупантами колхоз, у председателя легких дней не было. По восемнадцать часов в сутки на ногах, сто стрессов на месяц. Вся жизнь страны в то время уместалась в одном емком слове: «Надо!» А если надо... значит, надо! И делали, не считаясь со временем, с возможностями, со здоровьем. А жизнь-то у человека одна...

– Тебя по телеграмме к больному отцу, а ты... на танцульки в ДК... И в драку! – упрекнул дежурный по райотделу Славку Сирко.

Тот, чувствуя себя виноватым, обратился за поддержкой к Ивану Ивановичу:

– Так батя меня и отослал: «Саньку проведай». Как он обрадовался, когда мы появились у него в хате!

– Сдаст тебя военкомат в комендатуру! – вновь заметил дежурный. – Сколько у тебя осталось того отпуска?

– Двадцать трое суток.

– Ну вот, комендант на полную катушку, на двадцать... и отмерит.

– Да не хотел я! – взмолился Сирко. – В ДК – танцы. Стоим, ляды с девчонками точим. А он меня вдруг – хрясь по морде! За что, спрашивается?

Саня вскочил с места, весь трясется от возбуждения.

– За то, что ты – последняя сволочь! – выкрикнул он, – Я бы... таких!!! – Он пока еще не знал, какой лютой казни следует предавать таких... как Славка Сирко, – Что ты сморозил о своей матери?

Скуластое лицо Славки еще больше расплылось. От недоумения. И он стал каким-то чудаковатым недотепой: моргают глаза, шмыгает разбитый нос.

Иван Иванович поверил Славке – не он начал драку.

– А что я такого?.. Ничего.

– Врешь! – кипятился Саня. На его высоком лбу выступили капельки пота.

Славка старался вспомнить.

– Девчонки там были... Ты одну похвалил, а я сказал, что все они... – Он не осмелился повторить то слово, заменил его: —...одинаковые.

– А я возразил: «Почему все? Твоя мать тоже девчонкой была», – напомнил Саня дружку.

И того осенило: он вдруг смутился, стыдно стало.

– Я и брякнул: «А что, и она такая же... была...» Так разве я это всерьез? – тут же поспешил оправдаться Славка. – К слову пришлось. А ты меня – по морде. – Он осторожно потрогал распухающий нос, который стал похожим на картофелину.

Иван Иванович посмотрел на сына.

Саня зло поджал тонкие, нервные губы, сдавил челюсти так, что желваки на скулах заиграли. Насупился, схлестнулись на переносице густые черные брови. Как он сейчас был похож на... молодого Григория Ходана!

Конечно, Славка Сирко брякнул нечто гаденькое, похабное. Но его можно и понять, когда он схватился за нож – заехали прапорщику по физиономии. Да такому здоровому. Теперь девчата засмеют. Ох, и горько в такое мгновение парню, и кажется ему, что обиду можно смыть только кровью врага своего.

– Тюрьма – не тот университет, где на каждое вакантное место по пятнадцать заявлений, – обронил Иван Иванович.

Воцарилась гнетущая тишина. Славка Сирко сопел, как паровоз, спускающий излишний пар.

– Да я что, – пробурчал он. – Ну, виноват... По дурусти... ляпнул. Ты уж меня, Саня, извини... И за нож... Ну, хочешь, ударь этим же ножом. Отдайте ему, – попросил он у дежурного... – Пусть! И будем квиты...

Он был искренен в своем раскаянье. Иван Иванович хотел, чтобы сын сейчас протянул закадычному другу руку и сказал: «Черт с тобой... Только в следующий раз думай, что болтаешь!»

Но Саня не принял призыва к миру.

– Давайте уладим все по-родственному! – с едким сарказмом процедил он сквозь зубы. – Протокол порвем, хулиганов, учинивших дебош в общественном месте, развезем по домам на служебной «Волге». А люди скажут: «Как же! Его отец – майор милиции...»

С сыном что-то происходило, – надломилась его душа. Даже в детстве он, обижаемый другими, не был злопамятным. Вспыхнет, а через минуту-другую осознает свою вину и не постесняется признаться в этом: не прав. А сейчас он горел жадной мести...

Не потому, что друг поднял на него нож, нет, причина иная. Шалопай позволил себе сморозить глупость, оскорбил ту, которая его родила и выпестовала. Но в этом ли все дело?

Родная мать Сани тронулась умом и умерла много лет тому назад. С Аннушкой Саня контактов так и не установил: он ревновал ее к Ивану, да и она его недолюбливала. А вот Марина привязалась к Сане всей душой и была ему предана, как может быть преданной чуткая,

истосковавшаяся в одиночестве женщина. Саня отвечал ей полной взаимностью. Он буквально боготворил свою тетку, она была ему, пожалуй, единственным другом, если не считать Ивана Ивановича. Марина как женщина тоньше и глубже понимала Саню.

В общем, грязные слова, сказанные прапорщиком Станиславом Сирко по отношению к родной матери, Саня вполне мог отнести и в адрес Марины...

Но как ни естественно было такое объяснение странного поведения Сани, Иван Иванович инстинктивно чувствовал, что есть и другая, тщательно скрываемая обоими драчунами причина. Она-то и была главной... если... такая вообще существовала.

– Так что, хочешь познакомиться с одним из мест лишения свободы? – спросил он сына.

– Хочу! – выкрикнул тот, сверкая по-рысьи черными глазами. – Хочу сидеть с ним в одной камере! – показал он на своего друга.

– Камера существует только в следственном изоляторе, – ответил Иван Иванович. – А вы будете отбывать наказание в колонии. Там – обычные общежития, только с ограниченной зоной передвижения. Но соучастников расселяют подальше друг от друга, – пояснил он не без издевки, понимая, что только такой тон может как-то встряхнуть Саню, вывести его из состояния транса.

Но на сына ничего не подействовало.

– Не все ли равно?! – выкрикнул он. – Камера... Общежитие с ограниченной зоной передвижения! Тюрьма и есть тюрьма!

– Прости ему, – вдруг обратился дежурный к неистовствовавшему Сане. – Хотя бы во имя... Петра Федоровича: вызвали сына к умирающему отцу, а мы их разлучим. Это не по-человечески... И на себя не возводи напраслины.

И Саня обмяк, опустил глаза, спрятал их. Напоминание о Петре Федоровиче проняло его.

Петр Федорович одним из первых помог отвергнутому сыну Гришки Ходана обрести чувство веры в человека. Председатель колхоза уговорил директора школы, тот проэкзаменовал талантливого ученика и добился, чтобы Саню из третьего класса перевели в пятый. Это была моральная победа Саньки и над самим собой, над чувством неполноценности, и над всем злым, что оставил после себя Григорий Ходан. И вот теперь, когда Петр Федорович стоит, можно сказать, одной ногой в могиле, Санька (Александр Иванович Орач), без пяти минут кандидат наук, готов нанести ему жесточайшую обиду.

Иван Иванович был, убежден, что Саня образумится. Но тот стоял, насупившись и молчал. Долго молчал. Наконец спросил как-то осторожно, вполголоса:

– А как же быть с правдой? Разве не ты, отец, говорил мне, что правда на свете одна и перед нею все равны. А здесь два коммуниста со стажем, – он показал на Ивана Ивановича и на старшего лейтенанта, дежурного райотдела, – стараются перелицевать ее и приспособить к своей потребности, а нас убедить, что этот вывертыш и есть истина, которой надо поклоняться!

Саня весь дрожал от внутреннего возбуждения. Временами голос его переходил в шепот: провидец, которому дано заглянуть в будущее и который предупреждает живущих ныне об опасности, подстерегающей их на долгом и трудном пути...

Нас заедает быт, черной кошкой перебегают дорогу досадные мелочи. Их так много, что порою, они закрывают собою перспективу. И тогда во имя сиюминутных потреб мы начинаем ошипывать завтрашний день. «Жизнь взаимы»... Так сказал Эрих-Мария Ремарк, писатель, веривший в будущее человечества, но не доверявший своим современникам, обвинявший их в безучастности к тому, что происходит рядом с ними.

Для Ивана Ивановича обвинителем стал сын. Но он предъявлял отцу счет с каких-то очень странных, непонятных тому позиций.

Приходит время, когда дети получают право судить своих родителей по тем законам морали, которые они втолковывали всю жизнь им, детям.

– Ты требуешь от меня, чтобы я поступил, как велит долг милиционера. Но я никогда не поклонялся букве закона, которая не в состоянии предусмотреть всего многообразия человеческих отношений. Я всегда был гуманным к тем, кто оплошал, споткнулся, я стремился помочь тем, кому моя помощь могла принести пользу. Так же поступлю и по отношению к тебе. Ты – не преступник, я пока еще не понимаю, с какой целью ты затеял эту драку, почему тебе обязательно надо скомпрометировать друга, при этом даже себя готов принести в жертву. Ты скрываешь от меня правду, подсовываешь вместо нее чучело и требуешь, чтобы я поверил, будто это нечто живое. Но я – не селезень, задурманенный весною, который идет на манок и садится рядом с деревянной уткой.

Слова Ивана Ивановича, видимо, попали в цель. Саня смутился, отвернулся, съежился. Наконец встал с лавки и шагнул к Ивану Ивановичу. Но не подошел, передумал. Долго, вприщур, смотрел на отца, будто хотел без слов втолковать ему.

– Правда, в том, что я дал этому подонку по морде, – Саня кивнул на Сирко. – А он меня намерился ударить ножом. Старший лейтенант перед твоим приездом говорил: «За поножовщину в общественном месте судят по двести шестой статье, часть вторая или даже третья».

– Дурак или сроду так! – вырвалось у дежурного. – Впервые встречаю чудака, который требует, чтобы его судили вместо того, чтобы помиловать!

– Милуют – от щедрости души, а вы, граждане представители советской милиции, хотите все спустить на тормозах совершенно по иной причине: у одного из преступников папа – майор милиции, у другого – знаменитый председатель колхоза, Герой Социалистического Труда... – жестко ответил Саня.

– Сотрясаем воздух хорошими словами, – нахмурился старший лейтенант. – Но от самых хороших намерений даже плохая трава не растет. Лишение свободы – только в книжках школа, а в жизни это не так. В компанию к убийцам и грабителям ему захотелось... – Старший лейтенант исчерпал свое терпение и сожалел, что так долго уговаривал упрямого парня. – Доучились! Кан-ди-да-ты... Не был бы ты сыном уважаемого человека... А майору каково, подумал? Спросят! Взыщут! А за что, спрашивается? На дурака что-то нашло, какая-то извилина в мозгах не по профилю легла. – Он покрутил пальцем возле виска.

В самом деле, Саня, видимо, до сих пор не думал об этой стороне дела.

С удивлением посмотрел на дежурного, на отца, потом метнул взгляд в сторону Славки Сирко, топтавшегося возле деревянной лавки, и снова сник.

– Прости, папка, – проговорил он угрюмо. – Но иначе я поступить не мог. И ты обязан с нами... по всей строгости закона.

Понимая, что Саня перевозбужден, Иван Иванович мягко ответил:

– Если бы ты был преступником, я бы подписал самый суровый приговор. Но таковым ни тебя, ни Славку не считаю, поэтому поступлю с вами, как поступил бы с любым в подобной ситуации. Составьте протокол, – обратился он к дежурному. – Проинформируйте прокуратуру. А копию – в институт. «О недостойном поведении аспиранта кафедры общей геологии Александра Ивановича Орача». Материалы на Станислава Сирко передайте на усмотрение военкомата, который, если сочтет нужным, направит их в военную прокуратуру.

Оба виновника подписали протокол не читая.

Иван Иванович вышел вместе с ними на улицу. Душу полосовала зеленая тоска. Было уже поздно. Тьме-тьмущей, казалось, не было и не будет конца-края. Ночь задавала свой ритм жизни далеким мерцающим звездам и всему сущему на земле. Только крохотные островочки света, ютившиеся под фонарями, были не подвластны могучей владычице.

Неподалеку от здания милиции, за высоким плотным забором находилась железнодорожная станция. Диспетчер на сортировочной горке ругал по громкоговорящей связи – по секрету всему свету – рохлю машиниста маневрового тепловоза, что-то напутавшего спросонья.

Прошла парочка. Парень обхватил девушку за талию, девушка млела от удовольствия и льнула к спутнику. Влюбленным было наплевать на страсти-мордасти, кипевшие в душах четверых, стоявших у широкого крыльца райотдела милиции.

– Хочется, чтобы случившиеся послужило вам обоим уроком, – проговорил Иван Иванович, обращаясь к растерянному прапорщику Сирко.

– Дядя Ваня, разве это я? – взмолился тот. – Санька все затеял. Я, конечно, дурак, за нож схватился. Но это от обиды: при девчонках – по роже, и почти ни за что...

– Да есть, видимо, за что, – с горечью ответил Иван Иванович и показал сыну на «Волгу», стоявшую неподалеку на площадке. – Садись, – Когда Саня ушел, он спросил Славку: – Ты можешь мне толком объяснить, какая кошка пробежала между вами?

Тот пожал плечами.

– Ума не приложу... Вы бы знали, как я о нем скучаю в армии. И всем рассказываю, какой у меня друг – великим ученым будет. Да я за Саньку – кому угодно голову скручу. Он мне роднее жены и сына... Что на него нашло?..

Он недоумевал и был искренен в своем недоумении.

Не понимал по-прежнему причины распри друзей и Иван Иванович.

– Ну ладно, иди, – отпустил он Сирко. И выругался: – Дурачье! Мой совет: завтра с утра к военкому и, пока не передали протокол, кайся...

– Дядя Ваня, я же понимаю... Отправят депешу в часть – меня в два счета демобилизуют...

Совсем иначе был настроен Саня. Сначала Иван Иванович хотел сесть рядом с ним на заднее сидение, но почувствовал, что этого делать не стоит.

Ехали молча. Саня сидел затаившись. Порою Ивану Ивановичу казалось, что сын даже не дышит. Хотелось обернуться, но он сдерживал себя.

Наконец Саня заговорил:

– Ты... дома-то нашим... без подробностей, мол, подрались – и все. А то Марина разохается. Да и Аннушка слезу прольет.

Иван Иванович не без сарказма ответил:

– Само собою – никаких подробностей. Для женщин – не интересно. Это же не кинофильм «Гамлет» с участием Смоктуновского – всего-навсего двести шестая, часть третья, как ты сам уточнил. До семи лет... Марина, она знает, как скрипят тюремные ворота, так что ее не удивишь. Словом, обойдется без охов-вздохов. А вот Аннушку... Та на слезу слаба и вообще – придира, сделает из «шалости» кандидатика в ученые-геологи трагедию и, чего доброго, перейдет с валидола на нитроглицерин. Но это все – мелочи жизни. Суета сует... Главное, что мы про-де-мон-стри-ро-ва-ли! Только что? Кому? И во имя чего?

У Марины судьба трудная. По злой воле полиция Гришки Ходана она попала в Германию. Вернулась оттуда со жгучей тоской по Родине. Но вытравила жизнь на ней тавро: «была в оккупации»... В общем, Марина не сразу нашла свое место в новой, послевоенной жизни. Обиженная и поруганная, она пристала к тем, кто в ту трудную для нее пору был с ней ласков...

Юристы о таком случае говорят: «Устойчивая преступная группа». Марина перешивала краденое. Правда, не без влияния Ивана, она, в конце концов, восстала против такой судьбы...

Теперь Иван Иванович может себе признаться: в ту пору он любил разудалую красавицу Марину. Но удерживался от последнего, решающего шага. Чувствовал: Марина что-то скрывает от него. А может, главной причиной сдержанности была Аннушка, существо преданное и нежное?..

Ночь, тревожные раздумья, неизвестность, мучившая отца... Все это напоминало Ивану Ивановичу последнее «любовное» свидание с Мариной. Оно состоялось после суда, где молодой участковый выступал свидетелем.

Адвокат, защищавший Марину, говорил в своей речи о том, что Крохина была случайным человеком в «устойчивой группе». Задолго до разоблачения группы органами милиции Крохина порвала свои личные отношения с директором универмага Нильским, одним из руководителей банды, и сделала отчаянную попытку уйти из-под его влияния... Именно поэтому на нее и покушались... А все из-за Ивана, Нильский попытался прибрать к рукам мил-друга Марины, она восстала. Тогда ее чуть было не зарезали: на всю жизнь осталась калекой, голова, можно сказать, «пришита» к правому плечу.

Адвокат умело доказывал, что судьба Марины Крохиной – это трагедия личности. И причиной тому – война. По просьбе того же адвоката Ивану разрешили минутное свидание с Мариной после суда.

Они стояли в дальнем углу комнаты, где находились и другие осужденные – женщины. Ивану казалось, что он слышит, как бьется сердце Марины. А может, это гулко стучало его собственное?

Марина повернулась к нему боком, – иначе она теперь смотреть перед собой не могла. Не смела пошевеливаться. Глаза у нее – карие, а в тот момент стали черными-черными. Это их подкрасила нарождающаяся слеза.

– Спасибо, что пришел... Боялась, отречешься.

– Почему отречусь?... Ты-то от меня не отрелась, когда нож к горлу подставили.

– Я – баба, дура влюбленная. Ты – иное дело.

– А я – человек.

Постояла, повздыхала:

– Больше уже не свидимся.

– Пять лет – не вечность.

– Не вечность. Это верно. Но слышал, как адвокат «смягчал» мою вину? «Благодаря мужеству Крохиной была раскрыта преступная группа Нильского». Вот за то мужество...

– Выбрось из головы! – потребовал он.

Она согласилась:

– Правильно, лучше о тебе. Женись на Аннушке. Любит она тебя. А я теперь калека. Да и клейменная...

Это было полной неожиданностью для Ивана. Растерялся, не знал, что ответить. А их уже поторапливают:

– Кончайте свидание.

Марина чмокнула его в щеку.

– Прощай, человек ты мой, человек.

Когда он вышел в коридор, Аннушка засыпала его вопросами:

– Ну что она? Ну как?..

– Сказала, чтоб на тебе женился.

Аннушка оторопела, не зная: верить – не верить...

– Марина... тебя любит.

– А ты?

Аннушка не смела глаз поднять. А он требовал:

– Посмотри на меня! И спроси: кого я люблю.

И она спросила.

Марина вернулась из заключения через три года. И всю свою добрую, отзывчивую душу, переполненную любовью, отдала Саньке, сыну Григория Ходана, который искалечил ей жизнь.

Иван Иванович попросил водителя остановиться за углом.

– Тут рядом, разомнем ноги.

Ему хотелось вызвать сына на откровенность. Когда машина ушла, он взял Саню под руку и повел к дому.

– Мне всегда казалось, что ты близок ко мне по духу, – начал он трудный разговор.

– И я верил, что ты по духу мне родной отец. Но сегодня ты не захотел меня понять. Бывает, видимо, у каждого день, мгновение... когда ты должен доказать себе... и всем, что ты за человек... И мне нужна была твоя вера, а ты, как милиционер, требовал вещественных доказательств. Но они у меня в душе. Как же я их тебе предъявлю?

Что мог ответить Иван Иванович на такое обвинение? В самом деле, надо было поверить сыну и довериться ему. Но трудно верить на слово тому, на кого ты привык смотреть, как на ребенка. Все хочется поруководить, предостеречь, взять на себя его тяготы, его боли. Да не всегда это можно сделать. И не всегда это надо делать. Нельзя прожить жизнь за любимого сына, за любимую дочь. Какой бы мерой не измерялась твоя любовь, она никогда не заменит им собственного жизненного опыта.

Саня обижен. Но кем! Не Славкой же, безобидным, по-собачьи преданным Славкой...

– Сын, доверь мне свою обиду.

Саня медленно покачал головой.

– Папка... Не поверишь: нет у меня обиды, есть необходимость.

– Да в чем дело? – не выдержал пытки неизвестностью Иван Иванович.

– Ты сейчас меня все равно не поймешь. Нужных милиционеру доводов у меня нет. Вот года через три, через пять... жизнь их смастерит.

Что оставалось Ивану Ивановичу? Примирился.

Дома, конечно, ахали-охали. Аннушка даже всплакнула по поводу случившегося: «С ножом – на друга!» Разволновалась, сразу дало знать о себе сердце: впору вызывать «скорую». Марина, та – человек дела. Развязала руку, наспех замотанную платком, осмотрела рану.

– Пошевели пальцами! Двигаются! К хирургу! Немедленно! Противостолбнячный укол! – Отругала Ивана Ивановича: – Майор милиции называется! Ты же в этих делах дока! Почему не заехал в больницу?

– Опростоволосился. Замотался...

Саня начал возражать, мол, если до сих пор ничего не случилось, то доживет до самой смерти.

– Утро вечера мудренее.

Но Марина настойчива:

– Побасенки оставь девчонкам. В больницу!

Утром позвонил начальник Волновского райотдела подполковник Авдюшин, с которым они были в добрых отношениях еще со времен совместной службы. Под началом старшего лейтенанта Авдюшина младший лейтенант Орач начинал службу в розыске.

– Иван Иванович, – начал Авдюшин, не сказав даже «доброе утро». – Что за игра в поддавки! Дежурный показал мне протокол вчерашнего задержания, рассказал о выбрыке вашего Саньки. Удивляюсь: серьезный, ученый, и такое! Ничего мы писать в институт не будем. А шарады разгадывайте сами.

Где-то на самом дне души родилась крохотная радость: «Может, и к лучшему...»

Но тут же Иван Иванович вспомнил вчерашний разговор с Саней: «Мне нужна была твоя вера, а ты... требовал вещественных доказательств... Их у меня нет. Вот года через три... жизнь смастерит». И еще: «Нет у меня обиды, есть необходимость».

Какая? Потребность, чтобы протокол о случае с поножовщиной был передан в прокуратуру для возбуждения уголовного дела? Но чем такая необходимость может быть вызвана?!

– Все-таки напишите, Владимир Александрович, – попросил майор Орач. – Я еще не разобрался, но Саня упорно настаивает... Нынешние, они с повышенным чувством собственного достоинства. Ситуация такова, что нетрудно ошибиться. Доверимся нашим детям. Им уже под тридцать. Нам и в семнадцать доверяли: вот тебе винтовка, тридцать патронов, две гранаты – защищай Родину.

– Что это тебя, Иван Иванович, потянуло на патетику? – воскликнул Авдюшин, – И вообще: я тебе – про Фому, а ты мне – про Ерему... «Тридцать патронов! Две гранаты!» Да этот дурацкий случай может стоить Саньке всей карьеры ученого! Меня удивляет твоя позиция нейтрала. Если бы похожее случилось не с твоим сыном, с посторонним, ручаюсь – ты бы всю область перепахал, а до истины добрался. В чем подлинная причина драки? Почему Сане надо довести дело до трагического конца: сообщить о его антиобщественном поступке на кафедру?

«Взрослые дети...» – невольно подумалось Ивану Ивановичу.

– Да, да, конечно, – согласился он, – я попробую выяснить... Но все-таки напишите. Обоим. Пока это единственный реалистический ход.

– С Сирко – проще: передали дело в военкомат, а оттуда пошлют в комендатуру. У него еще двадцать дней отпуска, отсидит на гауптвахте... Не знаю, на каком он счету в части, но и там, узнав обо всем, по головке не погладят, – пояснил начальник райотдела. – И все-таки «главным пострадавшим» в этой ситуации окажется Санька. Не забывай, Иван Иванович, что в решении его судьбы когда-то и я принимал участие.

(Авдюшин помогал Орачу оформлять документы на усыновление Адольфа Ходана).

Письмо, конечно же, попадет к академику Генералову, и завкафедрой будет решать судьбу своего любимого ученика...

А тут еще эта грязенькая история с женой академика. Ее могло не быть – если бы не служебное рвение майора милиции Орача. Но тогда осталось бы нераскрытым ограбление мебельного, гуляли бы на свободе Пряников, Тюльпанова, Гриб... Впрочем, был выход; как только всплыла фамилия Капитолины Генераловой, супруги любимого учителя Сани, можно было передать дело кому-то другому...

А другой что, был бы менее объективен? Просто Иван Иванович в глазах академика Генералова выглядел бы чистеньким (моя хата с краю, я ничего не знаю). Удобная позиция... для дезертира.

«Позвонить Викентию Титовичу...» – мелькнула угодливая мыслишка. Но Иван Иванович тут же отбросил ее. Академик Генералов ни разу не обратился к майору Орачу с просьбой вывести жену из дела. Человек с достоинством!

Иван Иванович тоже никогда и нигде не хлопотал за сына, если не считать случая при поступлении в институт. Да и там старался Строкун.

...У несовершеннолетнего выпускника средней школы Александра Орача не приняли документы: «Институт – не детский сад!» И тогда Строкун привел необычного абитуриента к академику Генералову: «Смотрят не на знания, а на года...» И Саня покориł грозного академика своей влюбленностью в геологию...

В тот же день у Ивана Ивановича состоялся разговор со Строкуном. Евгений Павлович уже знал обо всем со слов начальника Волновского райотдела.

– Объясни толком! – потребовал Строкун. – Или я за тридцать лет работы в милиции до того постарел, что совсем не добираю... Что там к чему?

А Ивану Ивановичу и ответить нечего.

– Все мои попытки установить с сыном душевные контакты ни к чему не привели.

– И он по этому поводу еще иронизирует! – возмутился Строкун. – Если у тебя не хватает отцовской власти, я применю свою: на правах друга и крестного отца...

Когда Евгений Павлович разговаривал с Саней – для Ивана Ивановича осталось загадкой. Но уже на следующий день полковник милиции Строкун вынужден был признать свое поражение.

– Понимаешь, Иван, я почувствовал себя каким-то... несовершеннолетним. Не знаем мы наших детей, приставляем к ним свои аршины. А они на целое поколение моложе нас, у них свои мерки, свой спрос – и с нас, и с себя... В ответ на все мои возмущения твой Санька отвечает: «Ну, просто какая-то эпидемия среди «предков», – все убеждены, что молодежь губит

дело их жизни. Но у каждого поколения – свое дело всей жизни. У одних – борьба с разрухой, у других – целина, у третьих – освоение космоса... Или доверяйте нам до конца, или признайтесь сами себе, что вы нас ничему не научили, в таком случае вся ваша жизнь – пустышка». Вот так-то... Доверяйте! А доверять, в моем представлении, – это проверять и вовремя подсказывать. Но взрослые дети – сами с усами...

Письмо райотдела попало к академику Генералову.

Вызвал тот опального аспиранта и, держа двумя пальчиками за краешек письмо, отпечатанное на бланке, спросил:

– Уважаемый коллега, как мы с вами классифицируем эт-тот документ?

А молодой ученый Александр Орач отвечает:

– Викентий Титович, неужели вы ни разу ни с кем за свои убеждения не схлестнулись?

– Н-да... – пробормотал тот, пораженный неожиданно дерзким ответом своего ученика. –

Но за нож я при этом не хватался. Я всегда верил, что самый сильный аргумент – знания, а самое острое оружие – слово.

– И я за нож не брался. Лишь перехватил его, поймав за лезвие.

Профессор Генералов глянул на перебинтованную руку аспиранта и хмыкнул:

– Н-да... – Затем доверительно спросил: – Выходит, драка была по делу?

– По делу.

– Не... из-за дамы сердца?

– Нет. Из-за судьбы человека.

– Не приемлю петушиных боев и схватки самцов из породы гомо сапиенс. Не сожалеешь?

– Нет!

– Выходит, по убеждению... Ну что ж... В любом случае, снявши голову, по волосам не плачут. А другая народная мудрость гласит: делу – время, потехе – час. Потешился добрый молодец, пора и за работу. На носу защита, оппоненты у нас с вами, кол-ле-га, весьма воинственные, а судьба байкальского разлома – дело крайне проблематичное.

И все-таки: где тут собака зарыта?

Строкун сказал:

– Иван, ты с «Новоселом» умотался вконец, отдохни-ка, развейся слегка, тут есть, так сказать, курортное дело: выезд в родные места, сельская местность... Словом, обокрали Стретинский универмаг. Крупнейший в Волновском районе... При этом остались в непорочном состоянии не только двери и окна, но даже замки и бумажные пломбы на них.

Иван Иванович познакомился с делом.

Третьего июля, в субботу, директор универмага Вера Сергеевна Голубева, как обычно, заперла магазин, повесила контрольный замок с пломбой. На пост заступила сторожиха Матрена Ивановна Верходько. Утром, пятого июля, в понедельник, директор, дождавшись продавцов, открыла магазин. В отделах радиотоваров, обуви и шерстяных тканей полки оказались пусты, обокрали и подсобки этих отделов. Сторожиха утверждает, что всю ночь была на посту, никуда не отлучалась, а утром сдала «объект» в полном порядке: пломба на дверях целая. Директор подтвердила: на бумажной пломбе – ее роспись.

В деле имелись акты двух ревизий. Одну проводило КРУ (контрольно-ревизионное управление), организация весьма авторитетная. Она засвидетельствовала, что менее месяца тому назад, то есть 19 июня, была обнаружена недостача в одиннадцать тысяч рублей шестьдесят три копейки. Но через несколько дней выяснилось, что никакой недостачи нет, просто директриса-растеряха куда-то засудобила накладную на ковровые изделия (на сумму в 11 тысяч рублей 63 копейки). Вначале она взяла копию накладной на оптовой базе Галантереяторга. А во время ревизии, которая состоялась после того, как магазин обокрали, нашлась и квитанция – оригинал.

Эта же ревизия зафиксировала в универмаге недостачу в 91.523 рубля 13 копеек (после кражи).

Версию о том, что работники универмага обокрали сами себя, Иван Иванович отверг сразу. Обычно делают недостачу, а потом пытаются ее скрыть, инсценируя ограбление. Здесь же все наоборот: магазин «пострадал» вскоре после самой тщательной ревизии, когда работники универмага еще не избавились от шока, вызванного якобы имевшей место недостачей в одиннадцать тысяч рублей. (Можно себе представить, как переживали невинные и под каким психологическим прессом они находились почти три недели!)

И второе: если бы ограбление было инсценировано, то постановщики спектакля постарались бы оформить его более эффектно: высадить окна, двери, взломать замки. А в том варианте, в каком предстало дело, все выглядело обычной недостачей, а за такую отвечают работники магазина.

Вряд ли бы они умышленно ставили себя в столь сомнительное положение.

Перед тем, как выехать на место происшествия, Иван Иванович по доброй старой привычке зашел к Строкуну поделиться своими соображениями, в надежде, что тот подкинет какую-нибудь «идею».

Строкун сидел в нелепой позе: руки на столе – уронил на них голову, прикрыв лицо ладошками, словно бы рыдал. При появлении друга как-то тяжело, пьяно глянул на него, и устало откинулся в кресле, удрученный, осунувшийся, небритый. Иван Иванович вспомнил: «Шахтерские похороны!»

Строкуна трое суток не было в управлении. На одной из шахт, славной своими рабочими традициями, произошел внезапный выброс газа, который тут же и взорвался. Выброс – стихия, гибнут люди, это всегда навеивает горькие думы о бренности нашего существования и о смысле жизни вообще.

– Садись, Иван, – предложил Строкун, кивнув на один из стульев, и легким движением руки пододвинул пачку сигарет. – Как в том анекдоте: один говорил: «Бросить курить – плевое дело, сам уже тридцать раз бросал...» За эти дни – в сутки по три-четыре пачки... Знала бы твоя Аннушка, – какую превосходную лекцию прочитала бы на тему: никотин, содержащийся в одной сигарете, убивает лошадь или пятнадцать кроликов... А я живу этим ядом. Двое суток на ногах...

Заместителю начальника областного управления внутренних дел по оперативной работе приходится заниматься не только грабежами, убийствами, растратами и махинациями, но и... похоронами. Где человеческая трагедия – там и милиционер. На свадьбы и крестины, на праздники в качестве почетного гостя милиционера приглашают редко. А вот если беда – кричат: «Караул!.. Помогите!..»

И он – ночь-заполночь – спешит, чтобы помочь. Но милиционер – не робот, и как бы ни закаляли его тяжкие происшествия, каждое из них оставляет на душе свою метку, свой шрам. Шрам к шраму, а поперек их – еще и еще шрамы. Это реакция самозащиты: организм приспособляется. И все равно не может человек жить на одних отрицательных стрессах.

«Сдает Евгений...» – невольно подумалось Ивану Ивановичу. Под серыми глазами Строкун – синие круги. В пышной шевелюре, уложенной природой в волнистую широкую укладку, серебра больше, чем черни. И плечи уж слишком покатые, нет в них привычного, годами армейской службы выправленного разворота.

Иван Иванович рассказал о своих сомнениях:

– По-моему, капитан Бухтурма поспешил задержать директора универсама. По первому прочтению дела мне подозревать ее не хочется. И объективка положительная: Голубева восемнадцать лет в этом универсаме, без недостатков, без всяких там излишков...

Строкун с ним согласился:

– Задержали по подозрению, проявили активность. Есть видимость первых успехов... Типичная ошибка неопытного или «горячего» розысника. – Он коснулся рукой красной папки: – Я тут сводки происшествий за последние дни просмотрел. По Стретинке есть еще одно: в субботу вечером, то есть третьего, загорелась скирда соломы. Ей бы полыхнуть, но солома, по всему, была влажная... Словом, редкий случай в пожарной практике – спасли полскирды. Причина пожара – грубое нарушение элементарных правил противопожарной безопасности: сушили с помощью подогретого воздуха, воткнули вентилятор прямо в скирду, оставили на ночь без присмотра. Что-то там замкнуло, заискрило.

– А я как-то проморгал этот эпизод! – посетовал Иван Иванович.

– Ничего удивительного: пожар попал в сводку за субботу, а история с универсамом – за понедельник. Но я о чем подумал? Универсам закрыли в субботу в 20.00. Открыли в понедельник в 9.00. В течении этих тридцати семи часов кто-то и ухитрился «изъять» на солидную сумму разного товара. Пожар случился в тех же пределах. Я тебе подбрасываю столь дохленькую идейку только потому, что иной пока у меня нет.

Вконец измотанный, Строкун все-таки заставил себя думать о том, чем предстоит заниматься одному из сотрудников – взял сводки происшествий за неделю, изучил их, проанализировал, сопоставил... Он искал, что предложить подчиненному, который столкнулся с необычным преступлением.

Конечно, идея не бог весть какая. Загорелась скирда соломы во время искусственной сушки. Пожару разрастись не позволили. Случается, хотя уж как осторожничают во время уборки хлеба. Впрочем, солома – не хлеб. В иное время этот случай не попал бы в областную сводку происшествий за сутки. Но солома – корм. А заготовка всех видов кормов взята облисполкомом и обкомом партии под особый контроль.

Но какое отношение все это имеет к тому, что в Стретинке обворовали универсам?

Подкрадывалась осень. Отбушевала первая кружилица, когда злой, суховеистый ветер сбивает с уставших от летней безводицы деревьев первую, ставшую «лишней», листву. Она металась по посадкам, набиваясь между стволами, оседала неподвижными блекло-желтыми «лужицами» в кюветах... Еще далеко до золотой пушкинской и левитановской осени, еще придет пора листопада, когда влюбленные будут дарить девчонкам золотисто-палевые и оранжево-огненные листья клена, а пока природа делала как бы первую прикидку к поздней осени...

В машину вместе с ветром, насыщенным пылью, заносило сладковатый запах гари – это жгли где-то стерню, стараясь таким образом избавиться от сельскохозяйственных вредителей и мелких грызунов, против которых были бессильны ядохимикаты.

Урчали трактора, елозившие по черноте пала, поднимая зябь. Кое-где сеяли пшеницу и рожь в расчете на будущие осенние дожди.

«Замариновал я в себе крестьянина», – не без грусти думалось Ивану Ивановичу, пока он добирался до Волновой.

Запах горелой стерни постоянно напоминал о предупреждении Строкуна: «Полусгоревшая скирда...»

В деле, которое попало в руки майора Орача, слов «пожар» и «солома» не упоминалось. Поэтому, приехав в райотдел, он заинтересовался, прежде всего, именно этим, в общем-то незначительным происшествием.

Подполковник Авдюшин рассказал суть дела. Сушили солому. Для этого обычно сколачивают специальные козлы и выметывают на них скирду, потом ставят мощный вентилятор и начинают продувать солому. По правилам противопожарной безопасности вентилятор надо ставить метрах в пятнадцати от скирды и тянуть к ней железную трубу. Но такой трубы в колхозе не оказалось, а солома уже начала «гореть» от сырости, и, тогда электрик с немого согласия главного инженера колхоза и председателя воткнул вентилятор прямо в козлы. Позже и электрик, и главный инженер оправдывались, мол, так ставят вентиляторы все. «Побывайте в других колхозах».

– Ну и как же в других колхозах? – поинтересовался Иван Иванович.

Подполковник Авдюшин махнул рукой: дескать, что тут спрашивать?

– Во время уборочной прошли дожди, так что солому скирдовали влажную. И такой рады. В прошлом году некоторые колхозы остались совсем без грубых кормов, возили машинами из соседней области. Как говорится: за морем телушка – полушка, да рубль перевоз. Туда – тысячу километров – машины порожняком, оттуда, можно сказать, воздух возили. Конечно, солому на месте прессовали, но на пятитонной машине – полторы тонны груза... В этом году за корма взялись всерьез с самого начала. Сушат все, а правила противопожарной безопасности выполняются «по мере возможности». В колхозе – пятнадцать вентиляторов. По пятнадцать метров специальных труб – это двести двадцать пять. А их у колхоза нет. Пожарники делают вид, будто не знают об этом. В районе – пятьсот скирд, одна загорелась... Это две десятых процента, а если учесть, что полскирды растащили и солому спасли...

Маленький червячок, точивший совесть майора Орача (знакомясь с делом, не обратил внимания на совпадение по срокам двух случаев в Стретинке: обворовали универмаг, и загорелась скирда), перестал беспокоить. В любом деле существует процент брака, неудач, несчастных случаев. В их природе порою лежит стихия, неуправляемость, а чаще всего халатность: недосмотрел, потому что устал, надоело караулить, понадеялся на авось...

В общем-то, следствие, розыск так и идут: возникают по ходу дела версии, проверяются; непригодные, случайные отсеиваются. Иногда они дают незначительные детали, которые помогают вызреть новым версиям, а те, в свою очередь, тоже оказываются несостоятельными.

Вот и в данном случае. Статистика утверждает, что на пятьсот скирд, которые сушат в районе с помощью электровентиляторов, обязательно произойдет ЧП: кто-то где-то прошляпит, проморгает, допустит халатность, граничащую с преступлением.

Судьба на этот раз выбрала село с красивым старинным названием Стретинка, колхоз «Октябрь». А ЧП с универмагом – случай из другой серии.

К месту происшествия вместе с представителем области поехали начальник райотдела подполковник Авдюшин и начальник районного отделения розыска капитан Бухтурма, мужик лет тридцати трех, угрюмого вида, начавший рано приобретать «начальственную талию». Грек по национальности, из тех, чьи прародители появились в здешних местах около двухсот лет тому назад, когда в дикой степи – привольном безлюдном крае – по жалованной грамоте царицы Екатерины начали создаваться первые поселения: Енисоль, Анатолий, Ялта... Капитан Бухтурма любил свой район и неплохо знал людей. По дороге к Стретинке он расхваливал универмаг:

– Приезжал как-то секретарь обкома, мне довелось сопровождать его машину по району. Останавливается в Стретинке на площади. А время благодатное: площадь цветами благоухает, особенно хороши были в ту пору розы. Огляделся он, по дорожкам между клумбами походил. Затем заходит в универмаг. От прилавка к прилавку... А тут и случай помог: накануне товары привезли: обувь, костюмы, какие-то особые телевизоры. Народу – полно, все довольные, все с обновками, покупками. Одного спросил: «Что купили? Покажите». Другого... И – секретарю райкома: «Пора уже не на словах, а на деле стирать грань между деревней и городом. Такой бы универмаг в Донецк, в шахтерский поселок...» А потом хитро улыбнулся и говорит: «Не провести ли на базе вашей Стретинки областной семинар: «Культура обслуживания советского покупателя»? Пригласим городских строителей и дизайнеров, пусть поучатся, как оформлять магазины...»

Стретинка – село старинное. До революции, пока в здешних местах не нашли уголь и не заложили шахты, оно славилось ярмарками, двумя шинками, земской больницей, церковно-приходской школой и... собственной тюрьмой. Но шахты преобразили его. За годы Советской власти село дважды было районным центром, так что разрослось вширь и вглубь. Колхоз «Октябрь» – один из самых славных в районе. Но из трех тысяч шестисот сорока жителей Стретинки в членах колхоза числилось менее пятисот человек, остальные – шахтеры, железнодорожники, рабочие доломитных карьеров, которые ездили на работу за двадцать-тридцать километров. Да и чего не ездить – в районе более восьмисот километров дорог, как говорят специалисты, «с твердым покрытием», то есть асфальтированные. Регулярное автобусное сообщение и внутри района, и с Донецком, со Ждановом, с Запорожьем, с Днепропетровском... А за горняками, строителями и железнодорожниками приходят специальные автобусы: на смену, со смены... Словом, стретинцы по прописке – сельские жители, а по характеру – рабочий класс, горожане с хорошей зарплатой, с двумя выходными в неделю, с солидной пенсией в пятьдесят – пятьдесят пять лет...

Типичная для Донбасса обстановка.

К центру большого, утопающего в зелени садов села вело шоссе, смахивающее на аллею: по обе стороны его высились пирамидальные тополя. Деревья – одно в одно, ухоженные, прихорошенные.

Милицейский «бобик» выскочил на просторную сельскую площадь-парк. С одной стороны ее обрамляло двухэтажное административное здание правления колхоза и сельсовета, с другой – просторнейшая, с двумя пристройками (спортзал и столовая) – школа-десятилетка, при которой был стадион, с третьей – торговый центр. Он состоял из двухэтажного продовольственного магазина, верхний этаж которого занимали службы быта (парикмахерская, швейная мастерская и мастерская по ремонту радиобыттехники). Но главной достопримечательностью площади был красавец универмаг. Бетон. Стекло. Алюминий. Широкие витрины. Внутри

помещения стены облицованы цветным стеклом. Зеркальные колонны, полки из голубого, приятного на вид пластика. Лампы дневного света. Вне сомнения, ночью магазин хорошо освещался как снаружи, так и изнутри. «Ночного посетителя заметила бы сторожиха, да и звуковая сигнализация – «ревун» оповестила бы, что кто-то открыл дверь».

– Для того чтобы попасть в универмаг ночью, надо убрать сторожа и хотя бы на время отключить сигнализацию, – сделал первое заключение Иван Иванович.

Капитан Бухтурма с ним согласился:

– Почему и пало подозрение на работников универмага. Они перед этим получили большую партию товаров и еще не успели ее рассортировать. Кто об этом мог знать? Сторожиха в ту ночь никуда не отлучалась и ничего подозрительного не заметила. Поэтому я предположил, что товар в магазин просто не поступал.

– Версия вполне солидная, – поддержал его Иван Иванович, – Остались пустяки: найти ей подтверждение...

– Или опровержение, – добавил не без иронии Авдюшин, привычным жестом мизинца поправляя на переносице очки. Эти очки в тонкой золотой оправе, которые сделал мастер-немец из Веймара лейтенанту-артиллеристу Авдюшину, когда тот служил в Группе советских войск в ГДР, придавали художавому, с уставшим лицом подполковнику вид русского интеллигента чеховских времен.

Прежде чем начать беседу с работниками универмага, Иван Иванович решил сделать рекогносцировку, познакомиться на местности с путями подхода к зданию магазина, с укромными закоулочками, где могла бы дожидаться, не привлекая к себе внимания случайных сельских прохожих, машина типа «фургон». (На легковой всего украденного товара не вывезешь, а на открытой бортовой – уж слишком приметно).

У Стретинки была еще одна достопримечательность – церковь. Она располагалась метрах в полуторах от школы. Красивая, с голубым, недавно отремонтированным шаровым куполом и высоким, в полтора человеческих роста, каменным забором, церковь стояла на самом высоком месте села, на юру, как говорили в старину. Иван Иванович поднялся туда по высыпанной доломитным гравием неширокой дорожке.

Отсюда открывался вид на всю округу. «Вот это позиция!» – невольно подумал он, как бывший артиллерист.

На левой (западной) окраине села, он увидел полтора десятка скирд. Неподалеку от них (отсюда казалось, что почти впритык) стояли два ряда аккуратных ферм – это молочнопромышленный комплекс колхоза «Октябрь», а за ним, чуть вправо, первые домишки сельской околицы.

Увидев скирды, Иван Иванович вновь вспомнил о втором стретинском происшествии. Пожарище хорошо было видно: горела крайняя в первом ряду скирда, ближняя к белым, похожим на стаю лебедей, хатам, за которыми шли сады и огороды. Во время пожара солому растащили, и сейчас она желтела широким ляпком растекшегося по холодной сковородке блинного теста.

– Интересно: во время пожара в селе выключали свет? – поинтересовался Иван Иванович.

– Ненадолго, – ответил капитан Бухтурма, сверкнув белками больших глаз. Он почувствовал, к чему клонит майор из областного управления, и невольно запротестовал: – Скирда занялась в субботу вечером. В ДК как раз закончился концерт, приезжала Киевская филармония. Люди из ДК – валом к скирдам, там же неподалеку комплекс... А универмаг... – Он внимательно посмотрел на майора Орача. Сказать «обокрали» – значило опровергнуть его собственную версию: товар в магазин не попадал. – Об универмаге нам в райотдел сообщили в понедельник.

– Если во время пожара снимали напряжение, то сигнализация в универмаге сработать не могла, – пояснил Иван Иванович свою мысль.

Тут уж запротестовал подполковник Авдюшин:

– Иван Иванович! Если предположить, что пожар – дело рук тех, кто... – Он никак не мог подобрать слова, определяющее характер случившегося... – обчистил универмаг, то в соучастии надо обвинить колхозного электрика, который буквально воткнул вентилятор в скирду под козлы... Впрочем, таким макаром в это же время сушилось еще шесть скирд. Надо обвинять главного энергетика колхоза, который не обеспечил вентилятор подводными трубами, к нему в компанию причислить председателя колхоза, – заботясь о кормах, тот распорядился «дуть» всю ночь... Ну и господь-бога – туда же, в преступную группу, это он напустил дождь во время уборочной.

– Да я же только по поводу факта! – взмолился Иван Иванович. – Если капитан Бухтурма прав – в товар в универмаг не попадал, тут все проще: круг людей, причастных к этому, невелик: шофер, экспедитор, заведующие двух-трех отделов, разгрузавшие машину, ну и... директор универмага, которая должна была присутствовать при разгрузке. Вы с ними беседовали?

– Но вы же сами видели протоколы! – невольно вспыхнул, видимо, обидевшийся капитан Бухтурма.

Иван Иванович внимательно изучил эти «первичные», как принято говорить, документы. Разнобоя в показаниях он не обнаружил. Все говорили одно и то же и называли почти одни и те же детали: когда и как подъехала машина с товаром, как и в какой последовательности, разгружали, куда сносили, кто где при этом находился.

– У нас пока лишь две версии, – примирительно заговорил Иван Иванович, – Первая: товар в универмаг не попадал. Вторая: его оттуда вывезли... Так вот, вывезти можно было лишь при условии: отключить сигнализацию и отвлечь внимание сторожа. Если во время пожара снимали напряжение во всем селе, то тем самым отключали и сигнализацию. Я – лишь об этом.

Подполковник Авдюшин сказал:

– Вы пока – без меня. Я – к председателю колхоза. – И зашагал по дорожке вниз, к селу.

Капитан Бухтурма и Иван Иванович, переглянувшись, последовали за ним.

В универмаге и не подозревали о том, что привело сюда переодетых в гражданское трех чинов милиции: торговля шла полным ходом. Иван Иванович обошел магазин. Почти в каждом отделе толпилось человек по пятнадцать. «И это в страдную пору!» – невольно подумал он, вспоминая, что в колхозах идет уборка овощей и фруктов, там каждая пара рук на учете: едут на помощь к подшефным рабочие заводов и шахт, учащиеся школ и училищ, студенты вузов...

– Людно, однако же! – заметил он.

– В Стретинке – более трех тысяч рабочих и их семей. Если не принимать в расчет тех, кто на смене, тысячи полторы свободных всегда найдется. Так что в дни завоза товара тут людно. Народ – при деньгах. А самый ходкий товар – цветные телевизоры, ковры, импортные пианино, радиоаппаратура, стиральные машины, хрусталь, ну и автомашины, а также мотоциклы с колясками.

Вернулся подполковник Авдюшин. По привычке трет переносицу. Смущен.

– Разговаривал и с главным инженером, и с председателем... Выйдем на свежий воздух, – предложил он.

Выбрались из универмага и направились к одной из лавочек, стоявших в парке.

– Часа два село было без света, – сообщил Авдюшин. – Когда телефонистка доложила председателю, что горит солома возле комплекса, тот сразу смекнул: «Вентилятор». Приказал: «Сообщи главному инженеру и секретарю парткома, поднимай бульдозеристов, трактористов и завгара!», бросился к пульту и выбил главный рубильник. Потом побежал на комплекс – кабель к вентиляторам тянули оттуда – и там отключил напряжение. Тут подоспели люди, первые трактора. Скирда горела изнутри, так что верхнюю часть растаскали волокушами. Пригнали

дождевалку, начали нагнетать воду под скирду... Когда огонь в основном уже затоптали и стало темно, вспомнили об электросвете. Председатель послал электрика. Тот включил вначале главный рубильник, и село получило свет, затем подали электрику и на молочный комплекс.

Авдюшин явно сожалел: как это он, опытный оперативный работник, не удосужился сопоставить два факта: пожар и случай в универмаге.

Иван Иванович решил не усугублять это чувство, которое заставляет думать о своей неполноценности.

– Ну что ж, первую часть теоремы можно считать доказанной, – сказал он с легким юмором. – Осталась вторая: сторожиха. Капитан, вы тут знаете всех...

Это было приглашение принять активное участие в разработке очередной версии. Капитан Бухтурма с видимым желанием принял его.

– Матрена Ивановна Верходько – человек по всем данным положительный. Двенадцать лет сторожем... Когда-то уже была попытка ограбить магазин, так она задержала одного из грабителей: вцепилась в него и не выпускала, пока не прибежали люди, хотя мужик был здоров и пытался освободиться от зацепистой тетki всеми силами – измолотил ее...

Иван Иванович хорошо помнит этот случай. Его только-только перевели из Волновой в Донецк, семья еще не переехала – не было квартиры, и вот его посылают в Волновую уже как представителя областного управления. Шутка жизни: буквально вчера он внимал каждому слову начальника угрозыска райотдела Авдюшина, а сегодня приехал его «поучать»...

– Отважная женщина... – согласился он. – Муж у нее, кажется, погиб.

– Несчастный случай: попал под собственный трактор. Пустил его, а сам зашел наперед, хотел убрать оставленную с осени борону... Двое детей: старшему тринадцать, младшему – десятый.

– Беспокойный возраст, – заметил Иван Иванович, вспоминая Саню в эти годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.